

ПОЛ
ОСТЕР

НЬЮ-
ЙОРКСКАЯ
ТРИ-
ЛОГИЯ

ОТ АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРА
«4321»

Пол Бенджамин Остер
Нью-Йоркская трилогия
Серия «Литературные
хиты: Коллекция»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67788047

Нью-Йоркская трилогия:

ISBN 978-5-04-170608-1

Аннотация

«Нью-Йоркская трилогия» – блестящий дебют знаменитого Пола Остера, автора романов «4321» и «Бруклинские глупости».

«Стеклянный город», «Призраки» и «Запертая комната» составляют краеугольный камень современного постмодернизма с человеческим лицом, вывернутый наизнанку детектив с философской подоплекой, романтическую трагикомедию масок.

Случайный телефонный звонок вынуждает писателя Дэниела Квинна надеть на себя маску частного детектива по имени Пол Остер. Некто Белик нанимает частного детектива Синькина шпионить за человеком по фамилии Черни. Феншо бесследно исчез, оставив молодую жену с ребенком и рукопись романа «Небыляндия». Безымянный рассказчик не в силах справиться с искушением примерить на себя его роль.

Содержание

Стеклянный город	5
1	5
2	19
3	35
4	50
5	54
6	62
7	76
8	88
9	110
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Пол Остер

Нью-Йоркская трилогия

© Ливергант А., перевод на русский язык, 2022

© Таск С., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Стеклянный город

1

Все началось с ночного телефонного звонка; после трех звонков голос в трубке позвал какого-то неизвестного ему человека. Много позже, задумавшись о том, что с ним произошло, он пришел к выводу, что все происшедшее – чистая случайность. Но это было много позже. Вначале же имелось лишь событие и его последствия, ничего больше. Не столь важно, могло ли все обернуться иначе, или все было predetermined с самого начала, с того момента, когда он услышал голос в трубке. Важен сам рассказ, а значит ли он что-нибудь или нет, судить читателю.

Про самого Квинна рассказывать особенно нечего. Кто он, откуда, чем занимался, большого значения не имеет. Мы знаем, например, что ему было тридцать пять лет. Знаем, что когда-то он был женат, был отцом, но и жена и сын погибли. Еще мы знаем, что он писал книги. Детективы. Писал под псевдонимом Уильям Уилсон, получалось примерно в год по книге, и гонораров ему хватало, чтобы скромно жить в маленькой нью-йоркской квартирке. Поскольку на один роман у него уходило никак не больше пяти-шести месяцев, остальные полгода он бездельничал. Много читал, ходил на

выставки, в кино. Летом смотрел по телевизору бейсбол, зимой слушал оперу. Однако больше всего Квинн любил ходить пешком. Почти каждый день, в солнце и в дождь, в жару и в холод, он уходил из дому и отправлялся без всякой определенной цели бродить по городу.

Нью-Йорк для него был неисчерпаемым пространством, нескончаемым лабиринтом, и, как бы далеко он ни заходил, как бы хорошо ни знал расположение кварталов и улиц, его не покидало ощущение, что он заблудился. Причем не только в городе, но и в самом себе. Отправляясь на прогулку, Квинн каждый раз испытывал такое ощущение, будто себя он с собой не берет; целиком доверяясь направлению улиц, уменьшаясь до всевидящего ока, он мог не думать и от этого более, чем от чего-нибудь еще, обретал покой, целительную пустоту в душе. Мир располагался вне его, вокруг него, перед ним, и скорость, с которой этот мир менялся, не позволяла ему сосредоточить внимание на чем-то в отдельности. Главное было движение, процесс, когда одна нога ставится перед другой, когда передвигаешься в фарватере собственного тела. От бесцельного хождения все улицы становились одинаковыми; где он в данный момент находился, значения уже не имело. Когда прогулка особенно удавалась, у него появлялось чувство неприкаянности. К этому, собственно, он и стремился – стать неприкайным, погрузиться в вакуум. Нью-Йорк и был тем вакуумом, которым он себя окружил, и покидать этот город у него не было никакого желания.

В прошлом Квинн был более честолюбив. В молодости он издал несколько сборников стихов, писал пьесы, критические статьи, много переводил. Но в какой-то момент все это бросил. Какая-то частица его умерла (объяснил он друзьям), и ему не хотелось, чтобы частица эта, возродившись, его преследовала. Тогда-то он и взял себе псевдоним Уильям Уилсон, в результате чего перестал быть автором своих книг, и, хотя во многих отношениях продолжал существовать, существовал он только для себя самого.

Писать, впрочем, Квинн не прекратил, ведь ничего другого он не умел. Детективы были выходом из положения. Придумывать сложную, замысловатую интригу ему не составляло труда, и он писал хорошо, часто вопреки самому себе, так, словно это не требовало от него ровным счетом никаких усилий. Поскольку себя Квинн автором своих произведений не считал, никакой ответственности за них, в том числе и перед самим собой, он не нес. Ведь Уильям Уилсон был фигурой вымышленной и, хотя порожден был Квинном, вел теперь жизнь совершенно самостоятельную. Квинн относился к нему с уважением, иногда даже с восхищением, но и помыслить не мог, что он и Уильям Уилсон – одно и то же лицо. Потому-то он и скрывался под маской своего псевдонима. Литературный агент у него был, однако не встречались они ни разу, предпочитая переписываться, для чего Квинн приобрел на почте абонентный ящик. Не имел он личных контактов и с издателем, который выплачивал Квинну гонора-

ры исключительно через агента. Ни в одной книге Уильяма Уилсона не было ни фотографии автора, ни биографической справки о нем. Имя Уильяма Уилсона отсутствовало в писательских справочниках, он не давал интервью, а на адресованные ему письма отвечала секретарша его литературного агента. Насколько Квинн мог судить, в его тайну не проник никто. Друзья, узнав, что он перестал писать, первое время интересовались, на что он собирается жить, и Квинн отвечал всем одно и то же: на оставшееся от жены. На самом же деле у его жены никогда не было ни цента. Да и друзей у него не осталось тоже.

Так Квинн жил уже шестой год. О сыне он теперь вспоминал не так часто, как раньше, и совсем недавно снял со стены фотографию жены. Время от времени он вдруг ощущал, что значит держать на руках трехлетнего мальчугана, но это было лишь ощущение, никак не воспоминание. Чисто физическое ощущение, отпечаток, который оставило прошлое, и чувство это было ему неподотчетно.

Такое, впрочем, происходило с ним все реже, и ему начинало казаться, что наметились перемены к лучшему. Он больше не хотел умереть. В то же время нельзя сказать, чтобы он радовался жизни. Но, по крайней мере, она не была ему ненавистна. Он жил, и этот упрямый факт понемногу стал увлекать его – как будто ему удалось пережить самого себя, как будто у него началась загробная жизнь. Он больше не засыпал при электрическом свете и уже много месяцев

забывал все, что ему снилось.

Была ночь. Квинн лежал в постели, курил сигарету и слушал, как по оконному стеклу стучит дождь. «Интересно, когда он кончится? – раздумывал он. – Не гулять же утром под дождем». На подушке рядом с ним лежала обложкой вверх раскрытая «Книга о разнообразии мира» Марко Поло. Две недели назад он закончил очередной роман Уильяма Уилсона и теперь бездельничал. Его частный сыщик Макс Уорк, от лица которого велось повествование, раскрыл целую серию тяжких преступлений, прошел через нечеловеческие испытания, был неоднократно бит, несколько раз едва избежал смерти, и Квинна его подвиги несколько утомили. За эти годы Уорк и Квинн сблизились. В отличие от Уильяма Уилсона, который оставался для Квинна абстракцией, Уорк с каждой следующей книгой обретал плоть и кровь. В этой триаде Уилсон был своего рода чревовещателем, сам Квинн – объектом, а Уорк – исходящим из «чрева» голосом, ради которого все и затевалось. Если Уилсон и был иллюзией, он тем не менее оправдывал существование Квинна и Уорка. Если Уилсон и не существовал, он тем не менее был мостом, который соединял Квинна с Уорком. И мало-помалу Уорк вошел в жизнь Квинна, стал для него кем-то вроде брата, товарища по одиночеству.

Квинн взял Марко Поло и снова перечитал первую страницу. «А чтобы книга наша была правдива, истинна, без вся-

кой лжи, о виденном станет говорить в ней как о виденном, а слышанное расскажется как слышанное; всякий, кто эту книгу прочтет или выслушает, поверит ей, потому что все тут правда». И вот, стоило Квинну задуматься над смыслом этих фраз, попытаться по достоинству оценить отточенные аргументы автора, как зазвонил телефон. Много позже, восстанавливая события той ночи, он вспомнит, что посмотрел на часы, увидел, что было начало первого, и удивился: кому это взбрело в голову звонить в столь поздний час? «Что-то случилось, не иначе», – подумал он, встал с постели, подошел, как был голый, к телефону и поднял трубку после второго звонка.

– Да?

На другом конце провода молчали, и Квинн решил, что звонивший повесил трубку. Затем, словно откуда-то издалека, донесся голос, странный голос – такой ему еще ни разу в жизни слышать не приходилось. Металлический – и вместе с тем наполненный чувством. Едва слышный – и в то же время совершенно отчетливый. В результате он не смог даже определить, кто звонит: мужчина или женщина.

– Алло? – послышалось в трубке.

– Кто это? – спросил Квинн.

– Алло? – переспросили в трубке.

– Слушаю, – сказал Квинн. – С кем я говорю?

– Это Пол Остер? – спросил голос. – Мне бы хотелось поговорить с мистером Полом Остером.

– Здесь таких нет.

– Мне нужен Пол Остер. Из детективного бюро Остера.

– Простите, – сказал Квинн. – Вы, должно быть, ошиблись номером.

– Я звоню по очень срочному делу, – сказал голос.

– Ничем не могу вам помочь, – сказал Квинн. – Здесь никакого Пола Остера нет.

– Поймите, – сказал голос, – на счету сейчас каждая минута.

– Наберите еще раз. Это не детективное бюро.

Квинн положил трубку. Он стоял на холодном полу и разглядывал свои ноги, колени, свой дряблый член. На какую-то долю секунды он пожалел, что был так резок. Можно было бы немного поговорить со звонившим, разузнать, что случилось, быть может, даже чем-то помочь. «Надо научиться лучше соображать стоя», – сказал он себе.

Как и большинство людей, Квинн в преступлениях почти ничего не смыслил. Он никогда никого не убивал, ни у кого ничего не украл и не был знаком ни с одним убийцей или вором. Ни разу не был в полицейском участке, никогда не встречался с частным сыщиком, никогда не разговаривал с преступником. Если что-нибудь Квинн про все это и знал, то только из книг, фильмов и газет. И тем не менее он вовсе не считал это помехой. В книгах, которые он писал, его интересовало не то, как они соотносятся с реальностью, а то, как

они соотносятся с другими книгами. Квинн полюбил детективы еще до того, как стал Уильямом Уилсоном. Да, он отдавал себе отчет в том, что абсолютное большинство детективных романов плохо написаны и не выдерживают никакой критики, и все же ему этот жанр нравился, и не было ни одного, даже самого беспомощного детективного романа, который бы он не прочел до конца. Притом что к другим жанрам Квинн был придирчив, иногда до мелочности, детективы он глотал почти без разбора. Когда он бывал в настроении, ему ничего не стоило прочесть по десять-двенадцать детективов подряд. Его охватывал своего рода голод, тяга к особой литературной пище, и он не останавливался, пока не съедал всю порцию до конца.

Эти книги он любил за их насыщенность и четкость. В хорошем детективном романе всему ведется строгий учет, нет ни одного лишнего предложения, непродуманного слова. А если какое-то слово и лишено смысла, оно в любой момент может этот смысл обрести. Мир такой книги оживает, он таит в себе безграничные возможности, загадки, противоречия. А поскольку все увиденное или сказанное, даже вскользь, даже на ветер, может повлиять на развязку, пренебрегать нельзя ничем, ни единым словом. В таких книгах значимо все, центр смещается в результате каждого события, находится в постоянном движении, он – всюду, и окружность вокруг него можно провести не раньше, чем книга подошла к концу.

Сыщик – это тот, кто вглядывается, вслушивается, продирается сквозь непролазную трясину улик и событий в поисках мысли, идеи, которая сведет воедино все эти улики и события, придаст им смысл. По сути, автор и сыщик неразделимы. Ведь читатель видит мир глазами сыщика, ощущает, словно впервые в жизни, как перед ним открываются новые горизонты. Он вдруг начинает замечать находящиеся вокруг предметы, как если бы они заговорили с ним, как если бы, вглядевшись повнимательнее, он обнаружил в них некий высший смысл. Детектив. Сыщик. Соглядатай. Для Квинна в этом последнем слове заложен был тройной смысл. В нем имелась не только буква «я», но и «Я»: крошечный росток жизни, запрятанный в теле живого организма. Не случайно слово это «глядело» – оно олицетворяло собой взгляд писателя, взгляд человека, который смотрит на мир и требует, чтобы мир перед ним раскрылся. Уже пять лет Квинн жил под впечатлением этого каламбура.

Он, разумеется, уже давно перестал относиться к себе как к реально существующему человеку. Если он и существовал, то лишь опосредованно, в образе своего вымышленного персонажа Макса Уорка. Его сыщик не мог не быть реальным лицом – таково было требование жанра. Если Квинн мог позволить себе исчезнуть, раствориться в своем причудливом и замкнутом мире, то Уорк продолжал жить в мире других, и чем глубже Квинн погружался в небытие, тем отчетливее ощущалось присутствие Уорка. В то время как Квинн все

чаще ощущал свою недееспособность, Уорк, напротив, демонстрировал агрессивность, находчивость, чувствовал себя как дома, где бы он ни находился. Ко всему, что доставляло Квинну столько хлопот, Уорк относился спустя рукава, по жизни он шел с беспечностью и равнодушием, которым его создатель мог только позавидовать. Нельзя сказать, чтобы Квинну так уж хотелось быть Уорком или хотя бы на него походить, но, когда он писал свои книги, ему было приятно притворяться Уорком, сознавать, что, стоит ему только захотеть, и он может, пусть лишь в своем воображении, стать Уорком.

В ту ночь, засыпая, Квинн попытался представить себе, как бы на его месте повел себя Уорк. Ему приснился сон (который он потом забыл): он стоит в пустой комнате и стреляет из пистолета в голую белую стену.

На следующий вечер звонок застал Квинна врасплох. Он решил, что инцидент исчерпан, и не рассчитывал, что незнакомец позвонит снова. Когда раздался телефонный звонок, Квинн сидел в уборной и испражнялся. На этот раз позвонили немного позже, чем накануне, где-то без десяти, без двенадцати час. Квинн как раз дошел до главы, в которой рассказывалось о путешествии Марко Поло из Пекина в Амой, и, когда он сидел в своей крохотной уборной, книга лежала раскрытой у него на коленях. Телефонный звонок пришелся как нельзя более некстати. Чтобы успеть снять труб-

ку, надо было бежать к телефону не подтеревшись, а разгуливать по квартире в таком виде Квинну было неприятно. С другой стороны, если бы он закончил процедуру без спешки, то к телефону бы не успел. И тем не менее прерывать «процесс» ему не хотелось. Телефон не относился к его любимым вещам, и он несколько раз собирался от него избавиться. Квинн считал телефон тираном и за это особенно его не любил. Телефон не только имел над ним власть, но и беззастенчиво этой властью пользовался, отрывал от дел, так что на этот раз Квинн решил оказать ему сопротивление. После третьего звонка кишечник очистился. После четвертого Квинн подтерся. Когда же раздался пятый звонок, он натянул брюки, вышел из уборной и не торопясь пересек комнату. Трубку он снял после шестого звонка, однако услышал короткие гудки – терпение у абонента иссякло.

На следующий вечер Квинн был наготове. Он лежал на кровати, листал «Спортивные новости» и ждал, когда незнакомец позвонит в третий раз. Время от времени, когда нервы не выдерживали, он вставал и начинал мерить шагами комнату. Поставил пластинку – оперу Гайдна *Il Mondo della Luna* – и прослушал ее от начала до конца. Он ждал и ждал. Только в половине третьего он решил наконец, что ждать больше смысла не имеет, и лег спать.

Квинн ждал звонка и на следующий день, и через день тоже. И вот, когда он счел, что ждать больше нечего, теле-

фон зазвонил снова. Было это девятнадцатого мая. Дату он запомнил, потому что в этот день была годовщина свадьбы его родителей (верней, была бы, если б его родители были живы); мать когда-то призналась, что зачат он был в первую брачную ночь, и это обстоятельство всегда представлялось ему очень трогательным, ведь теперь он знал день, с которого можно отсчитывать свое существование. Уже многие годы свой день рождения он тайком праздновал именно в этот день. На этот раз телефон зазвонил раньше, чем в предыдущие вечера, – не было еще одиннадцати, и Квинн решил, что звонит кто-то другой.

– Алло? – сказал он.

И вновь на другом конце провода промолчали. Квинн сразу понял, что это тот же самый человек.

– Алло? Чем я могу вам помочь?

– Да, – раздалось наконец в трубке. Тот же тихий металлический голос, то же отчаянье в голосе. – Да. Теперь это необходимо. И как можно скорее.

– Что необходимо?

– Поговорить. Прямо сейчас. Поговорить немедленно. Да.

– А с кем вы хотите поговорить?

– С вами. С Остером. С человеком по имени Пол Остер.

На этот раз Квинн не колебался ни секунды. Он знал, что надо делать, и теперь, когда время настало, сделал это не раздумывая.

– Я у телефона, – сказал он. – Остер слушает.

– Наконец-то. Наконец-то вы нашлись. – В голосе прозвучало облегчение, собеседник успокоился.

– Совершенно верно, – сказал Квинн. – Наконец-то. – Он выдержал паузу, чтобы его собеседник, да и он сам, могли вдуматься в смысл этого слова. – Что я могу для вас сделать?

– Мне нужна помощь. Мне грозит опасность. Говорят, в таких делах вам нет равных.

– Смотря в каких. Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду смерть. Смерть и убийство.

– Это не совсем по моей части, – сказал Квинн. – Я людей не убиваю.

– Ясное дело. – В голосе прозвучало раздражение. – Тут все наоборот.

– Кто-то хочет убить вас?

– Да, убить меня. Совершенно верно. Меня собираются убить.

– И вы хотите, чтобы я защитил вас?

– Да, чтобы вы защитили меня. И нашли человека, который собирается меня убить.

– Вы не знаете, кто это?

– Нет, знаю. Конечно, знаю. Но я не знаю, где он.

– Поподробнее рассказать можете?

– Не сейчас. Не по телефону. Это очень опасно. Вы должны приехать.

– Давайте завтра?

– Хорошо. Завтра. Пораньше. Завтра утром.

– В десять утра?

– Хорошо. В десять. – Голос в трубке продиктовал адрес: Ист, 69-я стрит. – Не забудьте, мистер Остер. Вы должны прийти.

– Не беспокойтесь, – сказал Квинн. – Приду.

На следующее утро Квинн проснулся раньше обычного; так рано он не вставал уже несколько недель. Пока он пил кофе, мазал тост маслом и просматривал отчет о бейсбольных матчах в газете («Метрополитенс» опять проиграл: два – один, из-за досадной ошибки в последнем иннинге), он никак не мог свыкнуться с мыслью, что сегодня утром у него деловая встреча. Само по себе словосочетание «деловая встреча» казалось ему странным. Собственно, деловая встреча была не у него, деловая встреча была у Пола Остера, а кто такой Пол Остер, Квинн понятия не имел.

И тем не менее он поймал себя на том, что вполне достоверно подражает человеку, который готовится выйти на улицу. Убрал со стола посуду, бросил газету на диван, пошел в ванную, принял душ, побрился, вернулся в спальню завернутый в два полотенца, открыл платяной шкаф и начал одеваться. С удивлением обнаружил, что потянулся к пиджаку и галстуку. Последний раз Квинн надевал галстук, собираясь на похороны жены и сына, и даже не помнил, есть ли у него галстук. Нет, вот он, висит среди останков его гардероба. Белую рубашку он забраковал как слишком официальную и выбрал серую в красную клетку, с серым галстуком. Одевался он в состоянии, близком к трансу.

Только взявшись за ручку двери, Квинн впервые заподо-

зрил, что у него на уме. «Я, кажется, собираюсь на улицу, – сказал он себе. – Но если я ухожу, то, спрашивается, куда?» На этот вопрос у него не нашлось ответа и часом позже, когда он выходил из автобуса номер четыре на перекрестке 70-й стрит и Пятой авеню. По одну сторону от него находился парк, зеленеющий под утренним солнцем, с резко очерченными, подвижными тенями; по другую – музей Фрика, белый и суровый, словно отданный во власть мертвым. В этот момент ему почему-то пришла на ум картина Вермеера «Солдат и смеющаяся женщина», и он попытался вспомнить выражение лица девушки, ее руку с чашкой, красную безликую спину солдата. Он мысленно увидел висящую на стене синюю карту и льющийся в окно солнечный свет – сейчас он купался в таком же. Он шел. Пересекал улицу и двигался на восток. На Мэдисон-авеню Квинн повернул направо и один квартал шел на юг, затем повернул налево и тут только понял, где находится. «Кажется, пришел», – сказал он себе. Он приблизился к дому и остановился. Ему вдруг стало все равно. Он ощутил исключительное спокойствие, как будто все, что должно было с ним случиться, уже случилось. Открывая дверь с улицы, он дал себе последний совет: «Если все это действительно происходит, надо смотреть в оба».

Дверь в квартиру открыла женщина. Для Квинна это почему-то явилось полной неожиданностью, выбило из колеи. Он почувствовал, что не поспевает за ходом событий. Не

успел он свыкнуться с присутствием этой женщины, описать ее самому себе и составить о ней впечатление, а она уже говорила с ним, вынуждала его отвечать. Стало быть, уже в эти первые минуты он потерял над собой контроль. В дальнейшем, раздумывая обо всем происшедшем, он сумел восстановить в памяти встречу с этой женщиной. Но это была работа памяти, а он знал: вспоминающееся имеет обыкновение искажать вспоминаемое. А потому доверяться воспоминаниям нельзя.

Женщине было лет тридцать, самое большее – тридцать пять; ниже среднего роста; полновата – или пышнотела, можно и так сказать; темные волосы, темные глаза, выражение этих темных глаз одновременно и строгое, и чуть игривое. Черное платье и густо-красная помада.

– Мистер Остер? – Вежливая улыбочка. Вопросительный наклон головы.

– Совершенно верно, – ответил Квинн. – Пол Остер.

– А я – Вирджиния Стилмен. Жена Питера. Он ждет вас с восьми часов.

– Мы договаривались на десять, – сказал Квинн и посмотрел на часы. Было ровно десять.

– Он себе места не находил, – пояснила женщина. – Я никогда не видела его таким. Никак не мог вас дождаться.

Она открыла дверь и пропустила Квинна внутрь. Стоило ему переступить порог квартиры, как у него потемнело в глазах, точно его хватили по голове. Он-то собирался взять

на заметку все, что увидит, каждую мелочь, но такая работа оказалась ему в эти минуты не по силам. Квартира приобрела какие-то расплывчатые, неясные очертания. Да, он признавал: она большая, комнат пять-шесть, не меньше; богато обставлена, много антиквариата, серебряные пепельницы, по стенам картины в старинных рамах. Но и только. Впечатление самое общее – а ведь находился он от этих вещей в самой непосредственной близости, разглядывал их собственными глазами.

Квинн обнаружил, что в полном одиночестве сидит на диване в гостиной. Только сейчас он вспомнил, что миссис Стиллмен велела ему подождать здесь, пока она приведет своего мужа. Сколько времени он так просидел, неизвестно. Минуту-две, не больше. С другой стороны, судя по солнечному свету, дело уже шло к полудню. Взглянуть на часы он не догадался. Над ним витал аромат духов Вирджинии Стиллмен, и он мысленно раздел ее. Потом он стал думать о том, что бы пришло в голову Максу Уорку, будь он здесь. Квинн решил закурить. Выпустил дым в потолок. Ему доставляло удовольствие смотреть, как дым колечками подымается в воздух, рассеивается и, попав в свет солнечного луча, сгущается вновь.

Кто-то вошел в комнату у него за спиной. Квинн встал с дивана и повернулся, ожидая увидеть миссис Стиллмен, однако перед ним стоял одетый во все белое молодой человек с белокурыми, шелковистыми, как у ребенка, волосами. В

этот момент Квинн вспомнил почему-то своего погибшего сына. Впрочем, эта ассоциация исчезла так же быстро, как и возникла.

Питер Стиллмен вошел в комнату и сел напротив Квинна в красное бархатное кресло. Направляясь к креслу, он не сказал ни слова, вообще никак на присутствие Квинна не отреагировал. Сам по себе процесс перемещения с одного места на другое поглощал, как видно, все его внимание; казалось, перестань молодой человек хоть на долю секунды думать о том, чем он занимается, и он не сможет сделать ни шагу. Квинн никогда не видел, чтобы человек двигался таким образом, и сразу сообразил, что по телефону говорил именно с ним. Тело Питера Стиллмена чем-то напоминало его голос: скованное, безжизненное, оно передвигалось то медленно, то быстро, было неповоротливым и в то же время выразительным, как будто движения молодого человека были бесконтрольны, как будто действовало его тело по собственному разумению, а не по воле того, кому принадлежит. Казалось, Стиллмен долгое время был обездвижен и всеми физическими навыками ему приходилось овладевать заново, отчего ходьба стала процессом сознательным, каждое движение словно бы дробилось на составляющие его «поддвижения» и, как следствие, были начисто утрачены плавность, естественность. Стиллмен смахивал на марионетку, которая пытается ходить самостоятельно.

Все на Питере Стиллмене было белым: белая рубашка с

открытым воротом, белые брюки, белые туфли, белые носки. Мертвенно-бледное лицо и жидкие льняные волосы создавали впечатление прозрачности; казалось, видны даже сосуды под кожей. Прожилки были такого же цвета, как глаза; молочно-голубые, они словно сливались с небом и облаками. О том, чтобы заговорить с этим человеком, нечего было и думать. Ощущение было такое, будто уже одним своим присутствием Стиллмен призывал хранить молчание.

Молодой человек медленно опустился в кресло и только тогда обратил на Квинна внимание. Когда глаза их встретились, Квинн вдруг почувствовал, что Стиллмен стал невидимкой. Он вроде и видел, что Стиллмен сидит напротив, и в то же время кресло словно бы пустовало. «Уж не слепой ли он?» – подумалось Квинну. Нет, непохоже. Молодой человек внимательно, даже испытующе смотрел на него, взгляд этот трудно было назвать осмысленным, однако некоторая живость в глазах ощущалась. Квинн не знал, что делать. Он сидел на диване и тупо пялился на Стиллмена. Прошло много времени.

– Никаких вопросов, пожалуйста, – подал наконец голос молодой человек. – Да. Нет. Спасибо. – Он помолчал. – Я Питер Стиллмен. Говорю это не по принуждению. Да. Это не настоящее мое имя. Нет. Конечно, соображаю я совсем не так, как следует. Но с этим ничего не поделаешь. Нет. Не поделаешь. Нет, нет. Уже ничего не поделаешь.

Вот вы сидите и думаете: кто это со мной говорит? Какие

слова вылетают у него изо рта? Скажу вам. А захочу – и не скажу. Да и нет. Соображаю я совсем не так, как следует. Говорю это не по принуждению. Но я попробую. Да и нет. Попробую рассказать вам, даже если мне будет трудно. Спасибо.

Меня зовут Питер Стиллмен. Может быть, вы слышали обо мне, но, скорее всего, нет. Не важно. Это не настоящее мое имя. Мое настоящее имя я вспомнить не могу. Извините. Это значения не имеет. Теперь не имеет.

Это то, что называется речью. Это термин такой. Когда слова вылетают изо рта, проживут немного и умирают. Странно, правда? У меня на этот счет мнения нет. Нет, и все тут. И все же есть слова, без которых не обойтись. Много слов. Много миллионов. Может, всего три-четыре. Простите. Но сегодня я молодец. Гораздо лучше, чем обычно. Если я смогу дать вам слова, без которых не обойтись, это будет великая победа. Спасибо. Миллион раз спасибо.

Когда-то давно были мама и папа. Я этого не помню. Говорят, мама умерла. Кто говорит, я сказать не могу. Простите меня. Но так говорят.

Значит, без мамы. Ха-ха. Такой сейчас у меня смех. У меня в животе урчит: р-р-р. Ха-ха-ха. Большой папа сказал: без разницы. Мне. В смысле, ему. Большой папа – большой кулак, и бум-бум-бум. Сейчас вопросов не задавайте, пожалуйста.

Я говорю то, что говорят другие, потому что я ничего не

знаю. Я всего лишь бедный Питер Стиллмен, мальчик, который не умеет вспомнить. Хо-хо. Ду-ду. Дурачок-чок-чок. Простите меня. Говорят, говорят. А что говорит бедный маленький Питер? Ничего, ничего. Больше ничего.

Вот как было. Темно. Очень темно. Темней не бывает. Говорят, была комната. Как будто я могу об этом говорить. О темноте. Спасибо.

Темно-темно. Говорят, девять лет. Даже без окна. Бедный Питер Стиллмен. И бум-бум-бум. Кучи кашашек. Море пи-пишек. Не в себе. Простите. Молчу и дрожу. Простите. Уже нет.

Темень, значит. Говорю же. В темноте еда, да. Кашка – темно бедняжке. Ел руками. Простите. Это я про Питера. А если я Питер, тем лучше. То есть тем хуже. Простите. Я Питер Стиллмен. Это не настоящее мое имя. Спасибо.

Бедный Питер Стиллмен. Он был маленький мальчик. Своих слов – раз-два и обчелся. Были слова – и нет слов. Ни одного, ни одногошеньки. Больше ни одного.

Простите меня, мистер Остер. Я не хочу, чтобы вы грустили. Только, пожалуйста, никаких вопросов. Меня зовут Питер Стиллмен. Это не настоящее мое имя. Мое настоящее имя – мистер Грустли. А как вас зовут, мистер Остер? Может, это вы мистер Грустли, а я – никто.

Хо-хо. Простите меня. Как я плакал, как рыдал. Хнык-хнык. Бо-бо. Что делал Питер в этой комнате? Никто не может сказать. Некоторые помалкивают. А я-то думаю, что Пи-

тер не умел думать. Он рыдал? Он стонал? Он вонял? Ха-ха-ха. Простите меня. Иногда я такое сказану.

В-з-з-з. Г-у-у-у. Ч-х-х-х. Стук-стук-перестук. У-у-у-о-о-о-а-а-а. Иа-йа-йа. Простите. Никто, кроме меня, этих слов не понимает.

Еще не время, не время, не время. Так мне говорят. Слишком долго Питер был поврежден головкой. Больше это не повторится. Нет, нет, нет. Говорят, кто-то нашел меня. Я не помню. Нет, я не помню, что было, когда они открыли дверь и в комнату проник свет. Нет, нет, нет. Обо всем этом мне сказать нечего. Больше нечего.

Я долго носил темные очки. Мне было двенадцать. Так мне сказали. Я лежал в больнице. Понемногу меня научили, как быть Питером Стиллменом. Сказали: ты Питер Стиллмен. Я сказал спасибо. Иа-йа-йа. Спасибо вам, спасибо, сказал.

Питер был еще ребеночком. Его приходилось всему учить. Ходить и все такое. Кушать. Какать и писать в туалете. Мне даже понравилось. Даже когда я кусал их, они не делали мне бум-бум-бум. Потом я перестал даже рвать на себе одежду.

Питер был хорошим мальчиком. Но научить его говорить слова было трудно. Губы как-то не так шевелились. И потом, с головкой у него было не все в порядке. Он говорил: ба-ба-ба. И – да-да-да. И – ва-ва-ва. Простите меня. Сколько лет на это убили. Теперь Питеру говорят: можешь идти, больше мы

тебе ничем помочь не можем. Говорят: ты теперь человек, Питер Стиллмен. Хорошо верить докторам. Спасибо. Большое спасибо.

Я Питер Стиллмен. Это не настоящее мое имя. Мое настоящее имя Питер Кролик¹. Зимой я мистер Белик, летом мистер Зеленик. Подумай, что тебе нравится больше всего. Я говорю это не по принуждению. В-з-з-з. Г-у-у-у. Ч-х-х-х. Красиво, правда? Я такие слова все время составляю. Ничего не могу с собой поделать. Вылетают изо рта, и все тут. Их не объяснишь.

Все спрашивают и спрашивают. Без толку. Но вам я скажу. Я не хочу, чтобы вы грустили, мистер Остер. У вас такое доброе лицо. Вы мне кого-то напоминаете. Кого-то или что-то, какой-то шум. И ваши глаза смотрят на меня. Да, да. Я вижу их. Это очень хорошо. Спасибо.

Поэтому я и говорю: пожалуйста, никаких вопросов. Вас интересует все остальное. То есть отец. Жестокий отец, который мучил маленького Питера. Ему обеспечен полный покой. Его упекли в темное местечко. И заперли там. Ха-ха-ха. Простите меня. Иногда я такое сказану.

Сказали, тринадцать лет. Должно быть, это долго. Но я ничего не знаю про время. Каждый день я рождаюсь заново. Я появляюсь на свет, когда просыпаюсь утром, за день соста-

¹ Кролик Питер – персонаж детских книг английской писательницы Беатрикс Поттер (1866–1943), первая из которых, «История кролика Питера», вышла в 1902 г.

риваюсь, а вечером, когда ложусь спать, умираю. Это не моя вина. Сегодня я молодцом. Лучше, чем раньше.

Тринадцать лет отец не показывался. Его тоже зовут Питер Стиллмен. Странно, правда? Что у двух разных людей одно и то же имя. Не знаю, это настоящее его имя или нет. Но не думаю, что он – это я. Мы оба – Питер Стиллмен. Но Питер Стиллмен – это не настоящее мое имя. Поэтому, может быть, я все-таки не Питер Стиллмен.

Тринадцать лет, да. Так мне сказали. А не все ли равно? Я ничего не знаю про время. Но мне они говорят вот что. Завтра кончатся тринадцать лет. Это плохо. Хотя они говорят, ничего страшного, это плохо. Вообще-то я такие вещи помнить не должен. Но иногда все-таки вспоминаю.

Он придет. В смысле, отец придет. И попытается меня убить. Спасибо большое. Но я не хочу. Нет, нет. С меня хватит. Питер сейчас живет. Да. У него не все дома, но он живет. А это уже что-то, так ведь? Зуб даю. Ха-ха-ха.

Я сейчас прямо поэтом стал. Каждый день сижу у себя в комнате и сочиняю стихи. Все слова сам выдумываю, как когда в темноте сидел. Когда притворяюсь, что я опять взаперти, мне вспоминать легче. Что эти слова означают, никто, кроме меня, не знает. Их невозможно перевести. Эти стихи сделают меня знаменитым. Все будут от меня без ума. Иа-йа-йа. Красивые стихи. Такие красивые, что весь мир обрыдается.

Потом, возможно, я займусь чем-нибудь другим. Когда

надоест быть поэтом. Слова ведь когда-то кончаются. У каждого человека в голове так много слов. И что же я буду делать потом? Мне бы хотелось быть пожарным. А после – врачом. Какая разница. Зато по проволоке ходить буду в последнюю очередь. Только в старости, когда научусь ходить не хуже других. Тогда я буду плясать на проволоке, да так, что люди рот разинут. Даже дети. Вот чего бы мне хотелось. Танцевать на проволоке до самой смерти.

Не важно. Какая разница. Мне – никакой. Вы же видите, я богатый человек. Мне волноваться нечего. Нет, нет. Не по этому поводу. Зуб даю. Отец был богатым, и маленькому Питеру, когда его заперли в темноте, достались все его деньги. Ха-ха-ха. Простите, что смеюсь. Иногда я такое сказану.

Из Стилменов я – последний. Когда-то, говорят, большая семья была. Из Бостона – может, слышали? Я – последний. Больше никого не осталось. За мной пусто, я замыкающий. Что ж, тем лучше. Будет не обидно, когда все это кончится. Лучше быть мертвым, чем живым.

Отец, может, был не так уж и плох. По крайней мере, мне сейчас так кажется. У него была большая голова. Большущая. Места внутри полно. А значит, и мыслей в этой голове было видимо-невидимо. Бедный Питер! Попал в переделку, а? Ничего ни сказать, ни сделать, ни подумать. Ничего-то этот Питер не может. Ничегошеньки.

Сам-то я ничего про все это не знаю. И не понимаю. Обо всем этом мне жена рассказывает. Говорит, что мне необхо-

димо это знать, даже если я ничего понять не могу. Но я и этого тоже не понимаю. Чтобы знать, надо понимать. Нет, скажете? А я ничего не знаю. Может, я Питер Стиллмен, а может, и нет. Питер Никто – вот мое настоящее имя. Спасибо. А что вы обо всем этом думаете?

Я вам, значит, про отца рассказываю. Хорошая история, даже если я ее и не понимаю. Я могу вам ее рассказать, потому что знаю слова. А это уже кое-что, верно? В смысле, знать слова. Иногда я так горжусь собой. Простите. Вот что говорит моя жена. Она говорит, что отец рассуждал о Боге. Смешное такое слово. Бог-дог. Но ведь дог не похож на Бога, верно? Гав-гав. Вау-вау. Собачьи слова. Красивые. Лучше не придумашь. Не хуже моих слов.

Так вот, отец рассуждал о Боге. Хотел понять, есть ли у Бога свой язык. Не спрашивайте меня, что это значит. Я рассказываю только потому, что знаю слова. Отец думал, что младенец сможет заговорить, если не будет видеть людей. Но откуда взять младенца? Ага. Вы начинаете понимать. Покупать его не пришлось. Конечно, кое-какие человеческие слова Питер знал. С этим ничего поделать было нельзя. Но отец думал, что, может, Питер их забудет. Со временем. Вот почему было так много бум-бум-бум. Каждый раз, когда Питер произносил слово, отец делал ему бум-бум. Наконец Питер научился не говорить. Иа-йа-йа. Спасибо.

Питер молчал. Все эти дни, месяцы, годы. Маленький Питер сидел в темноте, одинешенек, и слова шумели у него в

голове, отвлекали его. Вот почему у него плохо открывается ротик. Бедный Питер. У-у-у. Вот как он плачет. Маленький мальчик, который никогда не станет большим.

Сейчас Питер говорит, как все люди. Но есть у него в голове и другие слова. Это Божий язык, на нем, кроме него, никто говорить не умеет. Их не переведешь. Вот почему Питер живет так близко от Бога. Вот почему он известный поэт.

Сейчас у меня все хорошо. Могу делать все, что хочу. В любое время, в любом месте. У меня даже жена есть. Сами видите. Я уже упоминал о ней. Может быть, вы даже с ней познакомились. Красивая, правда? Ее зовут Вирджиния. Это не настоящее ее имя. Но это значения не имеет. Для меня.

По первому моему зову жена приводит мне девочек. Это шлюхи. Я вставляю в них свой червячок, и они стонут. Их было так много. Ха-ха. Они приходят сюда, и я их трахаю. Трахаться хорошо. Вирджиния им платит, и все довольны. Зуб даю. Ха-ха.

Бедная Вирджиния. Она трахаться не любит. В смысле, со мной. Может, она трахается с кем-то другим. Кто знает? Я ничего про это не знаю. Какая разница. Очень может быть, она даст и вам, если вы проявите к ней интерес. Я был бы счастлив. За вас. Спасибо.

Вот так. Столько разного происходит. Всего и не расскажешь. У меня не все дома, я знаю. Это верно, да, я говорю это без всякого принуждения: иногда я криком кричу. Без всякой причины. Как будто для этого нужна причина. Нет,

я никакой причины не вижу. И все остальные тоже. Нет. А потом наступает время, когда я замолкаю. Молчу по многу дней подряд. Не говорю ничего. Ничего, ничего. Я забываю, что надо делать, чтобы изо рта вылетали слова. А потом мне становится трудно двигаться. Иа-йа. И даже смотреть. Тогда-то я и становлюсь мистером Грустли.

Мне по-прежнему хочется быть в темноте. Во всяком случае, иногда. Думаю, это идет мне на пользу. В темноте я говорю на Божьем языке, и никто меня не слышит. Не сердитесь, пожалуйста. Я ничего не могу с собой поделать.

Лучше всего, конечно, воздух. Да. И понемногу я выучился жить на воздухе. Воздух и свет, да, свет тоже, он освещает все вокруг, и я могу видеть то, что хочу. Свет и воздух, лучше их нет ничего. Простите меня. Воздух и свет. Да. Когда погода хорошая, я люблю сидеть у открытого окна. Иногда я выглядываю из окна и смотрю на то, что внизу. На улицу, на людей, на собак и машины, на кирпичный дом напротив. А бывает, я закрываю глаза и просто сижу у окна: ветерок обдувает лицо, в воздухе свет, свет всюду, и даже в закрытых глазах, весь мир красного цвета, красивого красного цвета, это солнечные лучи падают на меня, проникают в глаза.

Верно, выхожу я редко. Мне трудно, и я не всегда в себе уверен. Иногда я плачу. Не сердитесь на меня, пожалуйста. Я ничего не могу с собой поделать. Вирджиния говорит, что я не умею себя вести. Но иногда я ничего не могу с собой поделать, и плач сам собой вырывается из груди.

Но вот в парк я очень люблю ходить. Там деревья, воздух, свет. Как все это хорошо, правда ведь? Да. Понемногу мне внутри себя становится лучше. Я сам это чувствую. Даже доктор Вышнеградский так считает. Я-то знаю, что я еще кукла. С этим уж ничего не поделаешь. Нет. Нет. Ничего. Но иногда я думаю, что когда-нибудь вырасту и стану человеком.

А пока я по-прежнему Питер Стиллмен. Это не настоящее мое имя. Я не могу сказать, кем буду завтра. Каждый день – новый, и каждый день я снова появляюсь на свет. Я везде вижу надежду, даже в темноте, и, когда я умру, я, может быть, стану Богом.

Слов очень-очень много. Но я вряд ли буду употреблять их все. Нет. Не сегодня. У меня устал рот, и я думаю, что мне пора идти. Конечно, я ничего не знаю про время. Но это не имеет значения. Для меня. Большое вам спасибо. Я знаю, вы спасете мне жизнь, мистер Остер. Я надеюсь на вас. Жизнь может продолжаться сколько угодно, вы же понимаете. Все остальное находится в комнате, с темнотой, с Божьим языком, с рыданиями. Я сделан из воздуха – красивая вещь, на которую падает свет. Может быть, вы это запомните. Я Питер Стиллмен. Это не настоящее мое имя. Большое вам спасибо.

Монолог закончился. Сколько он продолжался, Квинн не знал. Только сейчас, когда его собеседник замолчал, он вдруг обнаружил, что сидят они в темноте. По всей видимости, прошел целый день. В какой-то момент во время монолога Стиллмена в комнату заглянуло солнце, но Квинн этого не заметил. Теперь же он сидел, погруженный во мрак и молчание, такие непроницаемые, что у него кружилась голова. Прошло несколько минут. Квинн подумал, что теперь настала очередь и ему что-то сказать, но до конца уверен он в этом не был. Слышно было, как тяжело дышит сидящий напротив Питер Стиллмен. В остальном же в комнате стояла мертвая тишина. Квинн не знал, как себя вести. Он рассмотрел несколько возможностей, но затем одну за другой их отбросил. Сидел на диване и ждал, что произойдет дальше.

Но вот молчание нарушил шуршащий звук: кто-то в чулках пересек комнату, щелкнул выключатель – и комната озабилась ярким светом. Квинн машинально повернул голову к источнику света и увидел, что слева от Питера рядом с настольной лампой стоит Вирджиния Стиллмен. Молодой человек тупо глядел в одну точку, словно спал с открытыми глазами. Миссис Стиллмен наклонилась к Питеру, положила руку ему на плечо и тихо произнесла на ухо:

– Пора, Питер. Миссис Сааведра ждет тебя.

Питер поднял на нее глаза и улыбнулся.

– Я сгораю от нетерпения, – сказал он.

Вирджиния Стиллмен ласково поцеловала мужа в щеку.

– Скажи мистеру Остеру до свидания, – сказала она.

Питер встал. А вернее, приступил к унылой, медленной процедуре высвобождения своего тела из объятий кресла. На каждом этапе этой процедуры происходили торможения, сбои, срывы, молодой человек то и дело застывал, что-то бормотал себе под нос, произносил слова, смысл которых Квинн расшифровать не мог.

Наконец Питер принял вертикальное положение. Он стоял перед своим креслом и с победоносным видом смотрел Квинну прямо в глаза. А затем улыбнулся – широко, без тени смущения.

– До свидания, – сказал он.

– До свидания, Питер, – сказал Квинн.

Питер неловко взмахнул рукой, а затем медленно повернулся и направился к двери. Шел он нетвердой походкой, клонясь то вправо, то влево, ноги у него то сплетались, то, наоборот, разъезжались в разные стороны. В дальнем конце комнаты в освещенном дверном проеме его уже поджидала женщина средних лет в белом халате медсестры. «Миссис Сааведра», – решил про себя Квинн. Он провожал Питера глазами до тех пор, пока молодой человек не скрылся за дверью.

Вирджиния Стиллмен села напротив Квинна в то же са-

мое кресло, которое еще минуту назад занимал ее супруг.

– Я могла бы избавить вас от всего этого, – начала она, – но подумала, что будет лучше, если вы увидите его собственными глазами.

– Понимаю, – отозвался Квинн.

– Едва ли, – с горечью заметила Вирджиния. – Понять такое мудрено.

Квинн скривился в улыбке, а затем, набравшись смелости, сказал:

– Что я понимаю, а что нет, по-моему, не столь уж важно. Вы наняли меня, и чем скорее я приступлю к делу, тем лучше. Насколько я могу судить, оно не терпит отлагательств. Я вовсе не претендую на то, чтобы понять Питера, оценить, сколько всего вы перенесли. Моя задача – оказать вам помощь. Как говорится, хотите – берите, хотите – нет.

Квинн немного воодушевился. Что-то подсказывало ему, что тон им выбран правильный, и он вдруг испытал какое-то особое удовольствие, словно сумел переступить через себя самого.

– Вы правы, – согласилась Вирджиния Стиллмен. – Конечно же, вы правы.

Она помолчала, затем набрала полную грудь воздуха, однако продолжать не спешила, словно репетируя в уме то, что ей предстоит сказать. Квинн заметил, как она судорожно стиснула подлокотники.

– Я готова согласиться, – нарушила наконец молчание

она, — что Питера понять нелегко, особенно когда общаешься с ним впервые. Все это время я простояла в соседней комнате, слушая, что он вам рассказывал. Питер далеко не всегда говорит правду, что, впрочем, вовсе не значит, будто все вами услышанное — ложь.

— Вы хотите сказать, что чему-то из его рассказа следует верить, а чему-то нет.

— Совершенно верно.

— Ваши интимные отношения или их отсутствие меня ни-сколько не заботят, миссис Стиллмен, — заметил Квинн. — Даже если Питер сказал правду, значения это не имеет. В моей работе случается всякое, и, если будешь торопиться с выводами, ничего не добьешься. Я привык не только выслушивать чужие тайны, но и держать язык за зубами. Если какой-то факт не имеет прямого отношения к делу, меня он не интересует.

Миссис Стиллмен покраснела.

— Я просто хотела, чтобы вы знали: слова Питера не соответствуют действительности.

Квинн пожал плечами, достал из пачки сигарету и закурил.

— Как бы то ни было, — сказал он, — это несущественно. Меня больше интересуют другие вещи, о которых говорил Питер. Они-то, насколько я могу понять, действительности соответствуют, и, если это так, мне хотелось бы узнать вашу точку зрения.

– Да, соответствуют. – Вирджиния Стиллмен разжала пальцы, которыми сжимала подлокотник, и подперла подбородок правой рукой. Задумалась. Олицетворение честности. – Питер ведет себя как дитя, но то, что он говорит, – правда.

– Расскажите мне про его отца. То, что сочтете нужным.

– Отец Питера родом из Бостона. О бостонских Стиллменах вы слышали наверняка. В девятнадцатом веке выходцы из этой семьи были губернаторами штата, епископами англиканской церкви, послами, один представитель этого рода был даже президентом Гарварда. В то же время Стиллмены не брезговали и коммерцией: наживались на текстиле, судостроении, бог знает на чем. Подробности несущественны. Важно, чтобы вы имели представление о семье Стиллменов в целом.

Отец Питера, как и все Стиллмены, поступил в Гарвард, изучал там философию, историю религии и, по отзывам всех, кто его знал, студентом был блестящим. Защитив диссертацию о теологических толкованиях роли Нового Света в шестнадцатом – семнадцатом веках, он устроился на работу на религиозный факультет Колумбийского университета и вскоре после этого женился на матери Питера. О ней мне известно мало. Судя по фотографиям, которые попадались мне на глаза, она была очень хороша собой, при этом хрупка, болезненна, немного похожа на Питера: такие же водянисто-голубые глаза и прозрачная кожа. Когда через несколько лет

после свадьбы родился Питер, Стиллмены жили в огромной квартире на Риверсайд-драйв. Стиллмен сделал блестящую академическую карьеру, диссертацию переработал в монографию – книга имела огромный успех – и в возрасте тридцати четырех – тридцати пяти лет получил «полного» профессора. Но тут умерла мать Питера. От чего – так и осталось загадкой. Сам Стиллмен утверждал, что скончалась жена во сне, однако нельзя было исключить и самоубийство. Как будто бы передозировка – доказать, впрочем, так ничего и не удалось. Поговаривали даже, что Стиллмен убил жену, но это были лишь слухи, не более того. Вообще вся история прошла совершенно незаметно.

Питеру тогда было всего два года, и ребенок он был совершенно нормальный. После смерти жены Стиллмен, по-видимому, мало им занимался. Была нанята няня, которая полностью взяла Питера на себя. Затем, через несколько месяцев, Стиллмен ни с того ни с сего няню выгоняет. Я забыла ее имя – мисс Барбер, кажется; впоследствии она давала показания в суде. Как будто бы Стиллмен в один прекрасный день пришел домой и заявил, что впредь займется воспитанием Питера сам. Он послал в Колумбийский университет заявление об отставке, где писал, что уходит с работы, чтобы всецело посвятить себя сыну. В деньгах он не нуждался, поэтому уговорить его остаться не удалось.

После этого Стиллмен перестал появляться на людях. Жить он продолжал в той же самой квартире, однако на ули-

цу выходил редко. Собственно говоря, никто толком не знает, что произошло. Возможно, он увлекся какими-то заумными религиозными идеями, о которых писал. Как бы то ни было, Стиллмен помешался, начисто лишился рассудка. Подумайте сами: он посадил Питера в одной из комнат, заколотил окна и продержал его взаперти девять лет! Только представьте, мистер Остер. Девять лет. Все свое детство ребенок провел в крошечной тьме, в полном одиночестве; все его контакты с внешним миром сводились к тому, что отец время от времени его избивал. Я живу с результатами этого эксперимента и могу подтвердить, что ущерб Питеру нанесен чудовищный. Сегодня вам повезло – Питер был в форме. Чтобы вывести его из того состояния, в котором он находился, понадобилось тринадцать лет, и будь я проклята, если позволю кому-нибудь вновь причинить ему вред.

Миссис Стиллмен замолчала, чтобы перевести дух. Квинн вдруг почувствовал, что она на грани срыва: еще одно слово – и с ней начнется истерика. Ему следовало срочно что-то сказать, иначе разговор начинал терять смысл.

– Как Питера нашли? – спросил он.

Вирджиния тяжело вздохнула и посмотрела на Квинна в упор.

– Был пожар, – ответила она.

– Поджог?

– Никто не знает.

– А что думаете вы?

– Я думаю, что Стиллмен в это время находился у себя в кабинете. Там он вел записи своих экспериментов и, видимо, пришел к выводу, что замысел не удался. Это вовсе не значит, что он пожалел о том, что сделал, – просто почувствовал, что потерпел неудачу. В ту ночь он, вероятно, окончательно в себе разочаровался и решил сжечь компрометирующие его бумаги. Но пожар распространился на всю квартиру, и большая ее часть сгорела. По счастью, комната Питера находилась в другом конце длинного коридора, и его удалось спасти.

– А потом?

– А потом несколько месяцев тянулось расследование. Прямые улики отсутствовали – бумаги Стиллмена погибли в огне. С другой стороны, достаточно было взглянуть на Питера, на комнату, где отец держал его взаперти, на эти страшные доски, которыми были заколочены окна... Так что в конце концов следствию удалось докопаться до истины, и Стиллмена судили.

– И к чему присудили?

– Его признали невменяемым и положили на принудительное лечение.

– А Питер?

– Питер тоже попал в больницу. И выписался всего два года назад.

– Там вы с ним и познакомились?

– Да. В больнице.

– Каким образом?

– Я была его логопедом. Работала с Питером каждый день на протяжении пяти лет.

– Простите за любопытство, но как вышло, что вы поженились?

– Это долгая история.

– Я не тороплюсь.

– Не в этом дело. Боюсь, вы не поймете...

– Вы в этом уверены?

– Если в двух словах, то иного способа забрать Питера из больницы и дать ему возможность вести более или менее нормальную жизнь у меня не было.

– А стать его законным опекуном вы разве не могли?

– Это очень сложная процедура. К тому же тогда Питер был уже совершеннолетним.

– Получается, что вы пожертвовали собой?

– Не совсем так. До этого я уже была один раз замужем – неудачно. Рисковать еще раз мне не хотелось. А тут, по крайней мере, у меня появлялась цель в жизни.

– Правда, что Стиллмена должны скоро выпустить?

– Завтра. Завтра вечером его поезд приходит на Центральный вокзал.

– И вы боитесь, как бы старик не стал преследовать Питера? У вас дурное предчувствие или есть какие-то доказательства?

– И то и другое. Два года назад Стиллмена уже собирались

выписать. Но он прислал Питеру письмо, и я показала его в клинике. Тогда они решили, что с выпиской поторопились.

– Что было в этом письме?

– Совершенно безумное письмо. Стиллмен называл сына дьяволенком, угрожал ему.

– Это письмо у вас?

– Нет. Два года назад я отдала его в полицию.

– Оригинал или копию?

– Простите, вы полагаете, что это имеет значение?

– Как знать.

– Если хотите, я могу попробовать это письмо раздобыть.

– Насколько я понимаю, других писем такого рода не было?

– Нет, больше писем Стиллмен не писал. И вот теперь врачи считают, что он готов к выписке. Это официальная точка зрения, и поделаться я ничего не могу. По-моему, Стиллмен просто сделал надлежащие выводы. Он понял, что, если и впредь будет угрожать сыну, его не выпустят никогда.

– Поэтому вы и волнуетесь.

– Именно поэтому.

– Но каковы планы Стиллмена, вам неизвестно?

– Нет.

– Чего вы ждете от меня?

– Я хочу, чтобы вы установили за Стиллменом слежку. Чтобы выяснили, что у него на уме. Чтобы помешали ему разыскать Питера.

– Иными словами, вы предлагаете мне сесть ему на хвост.

– Что-то в этом роде.

– Вы должны понять, что помешать Стиллмену подойти к вашему дому я не могу. Предупредить вас – другое дело. Или прийти вместе с ним.

– Понимаю. Главное, чтобы мы чувствовали себя защищенными.

– Хорошо. Как часто мне выходить с вами на связь?

– Мне бы хотелось, чтобы вы сообщали о том, как обстоят дела, каждый день. Давайте договоримся, что вы будете звонить вечером, между десятью и одиннадцатью.

– Прекрасно.

– Что-нибудь еще?

– Еще несколько вопросов. Меня интересует, например, как вы узнали, что Стиллмен приезжает на Центральный вокзал завтра вечером.

– Узнала, потому что хотела узнать, мистер Остер. На карту поставлено слишком много, и рисковать я просто не имею права. Если за Стиллменом не будет установлена слежка с той минуты, как он выйдет из поезда, он без труда растворится в городе. Этого допустить нельзя.

– Каким поездом он приезжает?

– Поездом из Покипси. В шесть сорок одну.

– Надо полагать, у вас есть фотография Стиллмена?

– Да, конечно.

– Мой следующий вопрос касается Питера. Зачем надо

было ставить его в известность о приезде отца? Не лучше ли было держать эту информацию при себе?

— Безусловно. Но когда мне сообщили о выписке отца, Питер поднял отводную трубку и разговор слышал. Мне ничего не оставалось, как все ему рассказать. Питер бывает очень упрям, и лучше говорить ему правду.

— И последний вопрос. Кто рекомендовал вам меня?

— Майкл, муж миссис Сааведры. В свое время он служил в полиции, навел справки и выяснил, что для такой работы лучше вас в городе нет никого.

— Вы мне льстите.

— Поговорив с вами, мистер Остер, я убедилась, что Майкл прав: мы нашли нужного человека.

Эти слова Квинн воспринял как намек на то, что пора уходить. Он засиделся. Все шло хорошо, гораздо лучше, чем он ожидал, вот только болела голова и ныло все тело — такого не было уже много лет. Еще полчаса, и он расклеится окончательно.

— Я беру сто долларов в день плюс расходы, — сказал он. — Если вы дадите мне аванс, это будет доказательством того, что я на вас работаю; тем самым мы вступим в официальные отношения «сыщик — клиент», то есть в отношения строжайшей конфиденциальности.

Вирджиния Стиллмен загадочно улыбнулась — словно каким-то своим тайным мыслям. А может, ее позабавила двусмысленность его последних слов. Квинн так этого до конца

и не понял – как и всего того, что произошло с ним в последующие дни и недели.

– Сколько бы вы хотели получить? – спросила она.

– Мне безразлично. Решайте сами.

– Пятьсот?

– Этого будет более чем достаточно.

– Хорошо. Пойду возьму чековую книжку. – Вирджиния Стиллмен встала и вновь улыбнулась Квинну. – Заодно принесу вам фотографию Стиллмена-старшего. Мне кажется, я знаю, где она.

Квинн поблагодарил и сказал, что подождет. Он проводил ее глазами и вновь поймал себя на том, что представил, как бы она выглядела без одежды. «То ли в ней и в самом деле есть что-то неотразимое, – раздумывал он, – то ли у меня опять крыша поехала...»

Но тут Вирджиния Стиллмен вернулась, и он решил отложить свои размышления на потом.

– Вот чек, – сказала она. – Надеюсь, я все написала правильно.

«Да, да, – подумал Квинн, разглядывая чек, – все в полном порядке». Он был собой доволен. Чек, разумеется, был выписан на Пола Остера, и Квинна, таким образом, нельзя было обвинить в том, что он, не имея лицензии, выдает себя за частного детектива. Теперь все встало на свои места. Его нисколько не смущало, что денег по такому чеку он никогда получить не сможет. Уже тогда ему было ясно, что за

эту работу он взялся не ради денег. Квинн спрятал чек во внутренний карман пиджака.

– Простите, более свежей фотографии не нашлось, – говорила между тем Вирджиния Стиллмен. – Эта, к сожалению, двадцатилетней давности. Другой, боюсь, мне не отыскать.

Квинн посмотрел на фотографию Стиллмена в надежде на неожиданное озарение, на то, что какое-то шестое чувство позволит ему проникнуть в душу этого человека. Но лицо на фотографии было непроницаемым. Лицо как лицо. Еще несколько секунд он вглядывался в черты Стиллмена – нет, такое лицо может быть у кого угодно.

– Дома рассмотрю повнимательнее, – сказал он, пряча фотографию в тот же карман, что и чек. – Надеюсь, что завтра на вокзале его узнаю. Не изменился же он до неузнаваемости!

– Очень хочется в это верить, – отозвалась Вирджиния Стиллмен. – На вас вся надежда.

– Не беспокойтесь, – сказал Квинн, – я ни разу еще никого не подвел.

Она проводила его до дверей. Несколько секунд они стояли на пороге молча, не зная, надо ли что-то добавить или пришло время попрощаться. И тут Вирджиния Стиллмен ни с того ни с сего обвила руками шею Квинна, поймала губами его губы и, запустив язык ему в рот, страстно его поцеловала. Квинн был настолько ошарашен, что удовольствия от поцелуя не получил.

Когда наконец он снова смог дышать, миссис Стиллмен отступила чуть в сторону и сказала:

– Это чтобы вы не верили Питеру на слово. Мне очень важно, чтобы вы поверили мне.

– Я вам верю. А если б и не верил, какое это имеет значение?

– Я просто хотела, чтобы вы знали, на что я способна.

– Теперь, похоже, знаю.

Она взяла его правую руку в свои и поднесла к губам.

– Спасибо, мистер Остер. Вы – находка, я в этом нисколько не сомневаюсь.

Квинн пообещал, что позвонит вечером следующего дня, и сам не заметил, как переступил через порог, вызвал лифт и спустился на первый этаж. Когда он вышел на улицу, был первый час ночи.

О случаях наподобие того, который произошел с Питером Стиллменом, Квинн слышал и раньше. Еще в прежней жизни, вскоре после рождения сына, он написал рецензию на книгу о дикаре из Авейрона и тогда довольно много читал на эту тему. Насколько он помнил, древнейшее упоминание о подобном эксперименте встречается в сочинениях Геродота: египетский фараон Псамметих в седьмом веке до нашей эры изолировал от мира двух младенцев и велел находившемуся при них слуге в их присутствии не раскрывать рта. Геродот (хроникер крайне ненадежный) пишет, что младенцы тем не менее говорить научились – первое произнесенное ими слово было фригийское слово «хлеб». В Средние века, в надежде обнаружить «естественный человеческий язык» и с использованием тех же методов, эксперимент этот повторил император Священной Римской империи Фридрих II, однако дети умерли, так и не заговорив. Вспомнилась Квинну история и вовсе неправдоподобная: шотландский король Яков IV, живший в начале шестнадцатого века, заявил, что шотландские дети, изолированные таким же образом, начинали говорить «на очень приличном древнееврейском языке».

Однако интерес к подобным опытам проявляли отнюдь не только маньяки и пустые мечтатели. Даже человек тако-

го здорового и скептического ума, как Монтень, уделил этому вопросу немало внимания; в одном из своих наиболее значительных эссе «Апология Раймунда Сабундского» он писал: «Нам кажется, что ребенок, коего вырастили в полном одиночестве, вдали от любых связей с себе подобными (что было бы экспериментом весьма сложным), обзаведется в конце концов речью для выражения своих мыслей. Маловероятно, чтобы Природа отказала нам в тех возможностях, каковые даровала она другим живым существам... Предстоит, однако ж, еще выяснить, на каком языке заговорит этот младенец; то же, что говорится предположительно, представляется нам далеким от истины».

Встречались также случаи непреднамеренной изоляции: потерявшие в лесу дети, высаженные на необитаемый остров матросы, младенцы, которые росли среди волков, – а также случаи, когда садисты-родители держали своих детей взаперти, приковывали их цепями к кровати, избивали в чуланах, жестоко истязали – и все потому, что не в силах были справиться с собственным безумием. В свое время Квинн познакомился с обширной литературой по этому вопросу. Например, шотландский моряк Александр Селькирк (считается, что именно он послужил прообразом Робинзона Крузо) прожил четыре года в полном одиночестве на необитаемом острове неподалеку от берегов Чили и, по словам капитана корабля, спасшего его в 1708 году, «из-за отсутствия речевой практики настолько забыл свой язык, что нам при-

ходило, дабы его понимать, прикладывать немало труда». Спустя двадцать лет в лесу неподалеку от немецкого города Гаммельна был обнаружен Петер из Ганновера, немой голый дикарь лет четырнадцати, которого доставили ко двору английского короля Георга I, оказавшего ему особое покровительство. И Свифт, и Дефо получили возможность увидеть мальчика собственными глазами, в связи с чем Дефо издал в 1726 году памфлет под названием «Очерк чистой природы». Говорить Петер так и не научился и спустя несколько месяцев был отправлен обратно на родину, где дожил до семидесяти лет, совершенно не интересуясь ни женщинами, ни деньгами, ни прочими мирскими делами. Заинтересовала Квинна и история Виктора, дикаря из Авейрона, который был найден в 1800 году. Благодаря терпеливому и тщательному уходу доктора Итара Виктор овладел элементарными речевыми навыками, однако говорил как маленький ребенок. Еще большую огласку получил случай Каспара Хаузера, который объявился в Нюрнберге в 1828 году; Каспар был облачен в экзотические одежды и бормотал что-то совершенно бессвязное. Написать свое имя он сумел, в остальном же вел себя как сущий младенец. Городские власти приняли в нем участие и препоручили заботам местного учителя. Целыми днями Каспар сидел на полу, играл в игрушечные лошадки и ничего, кроме хлеба и воды, в пищу не употреблял. Тем не менее определенного прогресса он все же добился: овладел навыками верховой езды, совершенно помешался на чисто-

плотности, пристрастился к красному и белому цвету и отличался исключительной памятью, особенно на имена и лица. И все же Каспар предпочитал не выходить на улицу, избегал яркого света и, подобно Петеру из Ганновера, был абсолютно равнодушен к женщинам и деньгам. Когда со временем память к нему вернулась, он, хоть и не без труда, припомнил, что много лет просидел на полу в темной комнате и что кормил его человек, который ни разу с ним не заговорил и старался не показываться ему на глаза. Вскоре после этих откровений какой-то негодяй набросился на Каспара, когда тот сидел в парке, и зарезал его кинжалом.

Последние годы Квинн гнал от себя воспоминания о подобных историях. Думать о детях, особенно детях, которых преследовали, с которыми дурно обращались, которые умерли, так и не успев повзрослеть, ему было тяжело. И если Стиллмен был тем самым негодяем с кинжалом, если он вернулся, чтобы отомстить мальчику, чью жизнь загубил, — Квинн ему помешает. Он понимал, что вернуть к жизни собственного сына ему не дано, но вот не дать погибнуть другому в его силах. Сейчас такая возможность представилась, но, когда он вышел на улицу, мысль о том, что ему предстоит совершить, показалась сущим кошмаром. Он вспомнил маленький гробик с телом сына, вспомнил день похорон и как гроб опускали в землю. Вот что такое полная изоляция, сказал он себе. Вот что такое непроницаемая тишина. А ведь его сына тоже звали Питер.

На углу 72-й стрит и Мэдисон-авеню Квинн остановил такси. Пока машина ехала через парк в сторону Вест-Сайда, он смотрел в окно и раздумывал, те ли это деревья, которые видел Питер Стиллмен, когда выходил на воздух и на свет. Интересно, видит ли Питер то же самое, что и он, или воспринимает мир совсем иначе? И если дерево – не дерево, то что же оно такое?

Выйдя из такси у своего дома, Квинн вдруг почувствовал, что ужасно голоден. С раннего утра он ничего не ел. «Странно, как быстро пролетело время», – подумал он. По его подсчетам, он просидел у Стиллменов больше четырнадцати часов, и в то же время ощущение было такое, будто он пробыл там от силы часа три-четыре. В результате ему ничего не оставалось, как в недоумении пожать плечами и сказать себе: «Надо научиться смотреть на часы почаще».

Он вернулся на 107-ю стрит, повернул налево на Бродвей и, двинувшись в сторону от центра, стал искать, где бы перекусить. Сегодня вечером в бар идти не хотелось: полумрак, пьяный гомон, хотя в принципе он ничего против баров не имел. Переходя 112-ю стрит, он увидел, что закусочная «Хайтс» еще открыта, и решил зайти. Это было ярко освещенное и в то же время мрачноватое заведение с большим, забитым порножурналами стеллажом у стены, отсеком,

где продавались писчебумажные товары, еще одним отсеком с газетами и с десятком столиков вокруг длинной стойки из жаростойкого пластика с вращающимися табуретами. За стойкой, в белом картонном поварском колпаке, стоял высокий пуэрториканец, в задачу которого входило приготовление жилистых гамбургеров, подогретых сандвичей с незрелыми помидорами и вялым зеленым салатом, молочных коктейлей и сдобных булок. Справа от пуэрториканца за кассой пристроился хозяин, маленький лысеющий человечек с курчавыми волосами и выжженным на руке ниже локтя номером заключенного концлагеря; курчавый распоряжался сигаретами, трубками и сигарами. В данный момент он сидел, погружившись в чтение ночного выпуска «Дейли ньюс».

В это время суток закусочная пустовала. В глубине за столиком два плохо одетых старика, один толстый, другой очень худой, изучали программку скачек. Перед ними стояли две пустые кофейные чашки. У входа, перед стеллажом, с открытым журналом в руках застыл, тупо уставившись на фотографию голей девицы, какой-то студент. Квинн подсел к стойке и заказал гамбургер и кофе. Занявшись приготовлением гамбургера, пуэрториканец повернулся к Квинну спиной и бросил через плечо:

- Смотрел сегодня бейсбол?
- Не получилось. Хорошие новости?
- А ты как думаешь?

Уже несколько лет между Квинном и этим человеком,

имени которого он не знал, происходил один и тот же диалог. Однажды Квинн завтракал в этой закусочной, они разговаривали о бейсболе, и теперь, когда бы Квинн ни пришел, беседа о бейсболе продолжалась. Зимой они обменивались впечатлениями, говорили о бизнесе и политике, однако во время бейсбольного сезона всегда обсуждался последний матч. Оба болели за «Метрополитенс», и обреченность этой страсти их сблизила.

Пуэрториканец покачал головой:

– Первые два раза, когда Кингмен выходил бить, он сумел заработать два очка. Бах! Пушечный удар! Наконец-то бросил как надо и у нас появился шанс... Два – один, конец девятого иннинга. У «Питсбурга» один на второй базе, один на третьей, при одном выбывшем, и «Метсы» меняют питчера, ставят Аллена. Аллен делает три умышленных промаха, чтоб противник прошел пешком до первой базы. У «Метсов» два варианта: либо пропустить игрока на базу, либо, если удар пройдет по центру, выбить из игры сразу двух. Пення слабо бьет в сторону первой базы – и мяч проскакивает у Кингмена между ног, представляешь? В результате двое зарабатывают два очка, и Нью-Йорку хана.

– Дейв Кингмен – кусок дерьма, – сказал Квинн, уплетая свой гамбургер.

– Зато Фостер еще себя покажет, – отозвался пуэрториканец.

– Выдохся твой Фостер. Кончился. Мордоворот. – Квинн

жевал медленно, прощупывая языком, нет ли жил. – Надо бы его обратно в Цинциннати отправить. Заказным письмом.

– Ага, – согласился бармен. – Но в этом сезоне они за себя постоят. В любом случае, думаю, выступят лучше, чем в прошлом.

– Даже не знаю. – Квинн откусил еще кусок. – На бумаге это выглядит неплохо, а так – кому играть-то? Стернс вечно с травмами, Бруксу не до бейсбола. Набрали молодежь из второй лиги... Муки хорош, но еще сыроват, к тому же до сих пор неизвестно, кого ставить справа. Есть, конечно, Расти, но этот еле ноги переставляет. А о хорошем питчере вообще забудь. Ши и нас бы с тобой взял, если б мы захотели...

– Тебе надо тренером идти – так ты все хорошо знаешь, – усмехнулся бармен. – «Метсы» бы с тобой первое место взяли.

– Зуб даю, – отозвался Квинн.

Кончив есть, Квинн направился в писчебумажный отдел. Пришла партия нового товара, и пачка из синих, зеленых, красных и желтых тетрадей радовала глаз. Он взял одну из них и проверил, разлинованы ли страницы. Писал Квинн от руки, на машинке перепечатывал текст только набело, а потому всегда покупал тетради добротные, с крепким, скрепленным проволокой корешком. Теперь, когда он взялся за дело Стиллена, новая тетрадь была ему совершенно необходима. Сюда он мог бы записывать мысли, наблюдения – да и вопросы тоже и таким образом держать происходящее под

постоянным контролем.

Квинн оглядел разноцветную пачку, прикидывая, какой тетради отдать предпочтение. По какой-то необъяснимой причине свой выбор он остановил на лежавшей в самом низу красной тетради, вытащил ее и осмотрел, бережно листая страницы большим пальцем. Объяснить самому себе, чем она ему так приглянулась, он не мог. Это была самая обыкновенная, стандартных размеров – восемь с половиной на одиннадцать дюймов – стостраничная тетрадь, и все же было в ней что-то особенное, как будто именно ей предназначалось вместить слова, слетавшие с его пера. Словно стесняясь собственных чувств, Квинн поспешным движением сунул тетрадь под мышку, подошел к кассе и расплатился.

Вернувшись спустя четверть часа домой, Квинн вынул из кармана пиджака фотографию Стиллмена и чек и аккуратно выложил их на письменный стол. Сбросил со стола мусор: обгоревшие спички, окурки, щепотку пепла, пустые баллончики для авторучки, медяки, использованные билеты, обрывки бумаги с какими-то закорючками, грязный носовой платок – и положил на середину стола красную тетрадь. Затем задернул шторы, разделся догола и сел к столу. Раньше он никогда нагишом за стол не садился, однако сейчас это почему-то показалось ему уместным. Секунд двадцать – тридцать Квинн сидел, стараясь не шевелиться, даже не дышать. Затем раскрыл красную тетрадь, достал ручку и вывел

на первой странице свои инициалы: Д. К. – Дэниел Квинн. Впервые за пять с лишним лет он написал в тетради свое собственное имя. Он было задумался над этим, но отвлекся. Перевернул страницу. Несколько секунд сидел, вперившись в белый лист и размышляя над тем, отчего он такой неисправимый болван. Затем коснулся пером верхней линейки и сделал в красной тетради первую запись.

Лицо Стиллмена. Вернее, лицо Стиллмена, каким оно было двадцать лет назад. А какое оно теперь? Трудно сказать. Ясно одно: это не лицо сумасшедшего. Или я не прав? Не знаю, по-моему, лицо славное, я бы даже сказал, хорошее. Нежные складки в уголках рта. Глаза вроде бы голубые, пожалуй, даже бледно-голубые. Волосы и тогда-то редкие, теперь, значит, облысел – поседел уж точно. Знакомый тип лица: думающее, нервное; такие обычно заикаются, в запале брызжут слюной.

Маленький Питер. Такое и вообразить-то невозможно. Приходится верить на слово. Непроницаемый мрак. Трудно представить себя на его месте: темно, плачу. Верится с трудом. Не хочется верить. И вникать тоже. Для чего? Это ж не вымысел. Это факт, свершившийся факт, и я взялся за эту работу, сказал «да». Если все пойдет хорошо, больших усилий не потребуется. Меня нанимали не вникать в ситуацию, а действовать. Это что-то новое. Не забывать об этом!

Что там Дюпен говорит у По? «Отождествление интеллекта следователя с интеллектом его противника». Но в данном случае это относится к Стиллмену-старшему. Что, быть может, еще хуже.

Больше всего меня смущает Вирджиния. И дело не в поцелуе, который можно объяснить целым рядом причин; и не в том, что говорил о ней Питер, – это несущественно. Что смущает? Ее брак? Может быть. Абсолютная несообразность этого союза. А что, если она поступила так ради денег? Или находясь в сговоре со Стиллменом? Это совсем другое дело. Но с какой целью? Зачем тогда, спрашивается, было меня нанимать? Чтобы был свидетель ее благих намерений? Не исключено. Хотя что-то слишком уж сложно. И все-таки: откуда у меня ощущение, что ей нельзя доверять?

Опять лицо Стиллмена. Мне вдруг показалось, что я его где-то видел. Может, много лет назад в своем районе – еще до его ареста.

Вспомнить, каково это – носить чужую одежду. С этого, по-моему, и надо начать. Надо ли? Давным-давно, лет восемнадцать – двадцать назад, когда у меня не было денег, друзья давали мне поносить свои вещи. Старую куртку Дж. в колледже, например. Такое чувство, будто я залезаю в его шкуру.

Вот, вероятно, точка отсчета.

Самое же главное: помнить, кто я такой. Помнить, кем я должен быть. Непохоже, чтобы это была игра. С другой стороны, пока никакой ясности нет. Например, сам-то ты кто? Если думаешь, что знаешь, зачем тогда врать? У меня нет ответа. Могу сказать только одно: слушай меня. Меня зовут Пол Остер. Это не настоящее мое имя.

Все утро Квинн просидел в библиотеке Колумбийского университета за книгой Стиллмена. Приехал он рано, в здание библиотеки вошел первым, и тишина мраморных залов подействовала на него умиротворяюще, как будто ему разрешили спуститься в заброшенный склеп. Помахав перед мирно дремавшим при входе служителем читательским билетом выпускника университета, он выписал нужную ему книгу, получил ее, поднялся на третий этаж и, войдя в курительную, уселся в зеленое кожаное кресло. Майское солнце призывно светило в окно, манило побродить по улицам, подышать весенним воздухом, однако Квинн искушению не поддавался. Он повернул кресло спинкой к окну и раскрыл книгу.

Книга «Сад и башня. Первые представления о Нью-Йорке» состояла из двух примерно одинаковых частей: «Миф о рае» и «Миф о Вавилоне». В первой говорилось в основном о первооткрывателях Америки, от Колумба до Рэли. По мнению Стиллмена, путешественники, высадившиеся в Америке, полагали, что они попали в рай, в Эдем. Описывая свое третье путешествие, Колумб, например, замечает: «Я верю, что именно здесь и находится рай земной, куда дано войти лишь с Божьего соизволения». О людях, населяющих эту землю, Петр Мученик еще в 1505 году писал: «Кажется, будто они живут в том идеальном мире, о котором так много го-

воят старые авторы и в котором люди жили просто и невинно, не ведая, что такое бремя законов, распри, судьи или клевета; жили естественной жизнью». Примерно о том же пишет спустя полвека вездесущий Монтень: «На мой взгляд, то, что мы видим в этих народах, не только превосходит все поэтические картины Золотого века, весь поэтический вымысел, выражающий счастливое состояние человечества, но и представления и помыслы самой философии». С самого начала, как полагал Стиллмен, открытие Нового Света способствовало развитию утопической мысли, явилось той искрой, что давала надежду на совершенствование человека – от книги Томаса Мора 1516 года до пророчества Херонимо де Мендиета, который спустя несколько лет писал, что Америка станет идеальным теократическим государством, истинным Градом Божиим.

Существовала, впрочем, и противоположная точка зрения. Если одни считали, что индейцы ведут первозданно безгрешную жизнь, то другие видели в них диких зверей, исчадий дьявола – в доказательство приводились обнаруженные в Центральной Америке людоеды. Испанцы использовали подобные взгляды для оправдания жестокой эксплуатации местного населения. Ведь если стоящее перед вами двуногое существо не считать человеком, делать с ним можно все, что угодно. Только в 1537 году Папа Павел III издал буллу, где индейцы провозглашались истинными, обладающими душой людьми. Спор тем не менее продолжался еще

несколько веков; кульминационной точкой этого спора явился, с одной стороны, «благородный дикарь» Локка и Руссо, что заложило теоретическую основу демократии в независимой Америке, и с другой – кампания, призывающая к уничтожению индейцев, ведь согласно глубоко укоренившемуся мнению хорошим может быть только мертвый индеец.

Вторая часть книги начиналась с исследования грехопадения. Опираясь целиком на Мильтона и его сугубо пуританскую концепцию грехопадения в «Потерянном рае», Стиллмен утверждал, что человеческая жизнь в том виде, в каком мы ее знаем, началась лишь после грехопадения. Ибо если в Райском саду не было Зла, то точно так же не было и Добра. Как заметил в своей «Ареопагитике» сам Милтон, «из кожи одного отведанного яблока возникли в мире, точно два близнеца, добро и зло». Этой фразе Стиллмен уделяет особое внимание. Человек, чуткий к языку, любитель играть словами и смыслами, он показывает, что вовсе не случайно слово «отведать» и «ведать» одного корня: оба восходят к Древу познания, тому самому, с которого было сорвано яблоко и которое дало миру знание, иными словами, добро и зло. Рассуждал Стиллмен и о парадоксальной двусмысленности слова «близнец», которое предполагает одновременно общность и раздельность, – такую двусмысленность Стиллмен усматривает во всем творчестве Мильтона. В «Потерянном рае», например, каждое ключевое слово имеет, с точки зрения Стиллмена, два значения: одно – до грехопадения,

другое – после. Чтобы проиллюстрировать свою гипотезу на конкретных примерах, Стиллмен выделяет три таких слова – чудовищный, змеиный, упоительный – и показывает, что их употребление до грехопадения лишено назидательности, тогда как после него приобретает оттенок мрачноватый, двусмысленный, окрашенный, так сказать, познанием зла. Одной из задач Адама в раю было придумать язык, дать имя всему живому и неживому. Существо совершенно невинное, он всякий раз доходил до сути вещей, проникал в их истинный смысл; называя предметы, он в буквальном смысле слова оживлял их. Вещь и ее наименование были равнозначны. После же грехопадения все изменилось. Названия больше не имели с предметами ничего общего; слова выродились в сочетание условных обозначений; язык теперь стоял от Бога особняком. Таким образом, история Райского сада – свидетельство не только падения человека, но и падения языка.

В Книге Бытия есть еще одна история про язык. По мнению Стиллмена, повествование о Вавилонской башне – почти точное воспроизведение того, что произошло в Райском саду, с той лишь разницей, что эпизод этот имеет всеобъемлющее значение для человечества. История Вавилонской башни приобретает особый смысл, если учесть, какое место в Библии она занимает: одиннадцатая глава Бытия, стихи с первого по девятый. Дело в том, что «башня Вавилонская: смешение языков» – самый последний эпизод предыстории в Библии; в дальнейшем Ветхий Завет – это исключительно

история еврейского народа. Иначе говоря, башня Вавилонская выступает в качестве последнего доисторического образа.

Комментарии Стиллмена растянулись на много страниц. Начал он с исторического обзора различных традиционных интерпретаций, немало места уделил многочисленным неверным толкованиям, которыми оброс этот эпизод, и закончил подробным перечнем легенд из Агады (свода талмудистских толкований, не касающихся законодательных норм). Считается, писал Стиллмен, что башня Вавилонская начала строиться в году 1996-м после Сотворения мира, примерно через 340 лет после Потопа, «прежде нежели расеемся по лицу всей земли». Бог наказал людей за это желание, которое противоречило Божьему повелению в начале Бытия: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею». Разрушив башню, Бог тем самым заставил человека подчиниться этому предписанию. Впрочем, согласно другому прочтению этой библейской легенды, башня явилась вызовом Богу. Нимроду, первому властелину мира, предназначалось быть строителем башни: Вавилонская башня должна была стать святыней, символизирующей универсальность его власти. Такова была Прометеева точка зрения на историю башни, и основывалась эта точка зрения на фразах «высотой до небес» и «сделаем себе имя». Строительство башни стало навязчивой, доминирующей страстью человека, более важной, чем сама жизнь. Кирпичи цени-

лись дороже людей. Женщины рожали прямо на строительных площадках; они заворачивали младенцев в фартуки и вновь брались за работу. По всей видимости, в строительстве участвовали три группы людей: те, кто хотел жить на небесах; те, кто хотел вести войну против Бога, и те, кто хотел поклоняться идолам. В то же время они были едины в своем порыве – «На всей земле был один язык и одно наречие», – и порыв этот возмутил Бога. «И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать». Эта речь, по сути, восходит к словам, которые Бог произнес, изгоняя Адама и Еву из Эдема: «Вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Едемского...» В соответствии с еще одним толкованием история эта была придумана лишь для того, чтобы объяснить многообразие людей и языков. Ведь если все люди произошли от Ноя и его сыновей, чем объяснить такое огромное различие между культурами? Согласно еще одному, аналогичному толкованию, башня Вавилонская доказывала существование язычества и идолопоклонства, ибо до строительства башни все люди изображались монотеистами. Что же до самой башни, то, согласно легенде, одна треть строения ушла под землю, одна треть погибла в огне, а еще одна треть осталась стоять. Бог разрушил ее двумя способами, чтобы человек понял: разрушение

башни было божественным наказанием, а не случайностью. И тем не менее даже та часть, которая осталась стоять, была столь высока, что пальма в сравнении с нею выглядела не больше кузнечика. Говорили также, что человек мог идти три дня, оставаясь в тени башни. И наконец – по этому поводу Стиллмен рассуждал особенно долго, – стоило человеку взглянуть на руины башни Вавилонской, как он тотчас же забывал все, что знал.

Какое все это имело отношение к Новому Свету, Квинн никак не мог взять в толк. Но вот началась новая глава, и Стиллмен совершенно неожиданно занялся жизнеописанием некоего Шервуда Блэка, бостонского священника, который родился в Лондоне в 1649 году (в день казни Карла I), приехал в Америку в 1675-м и умер во время пожара в Кембридже, штат Массачусетс, в 1691-м.

Молодым человеком (пишет Стиллмен) Шервуд Блэк служил секретарем у Джона Мильтона – с 1669 года до смерти поэта, случившейся пять лет спустя. Квинну это показалось странным: он где-то читал, что слепой Милтон диктовал свои сочинения одной из дочерей. Блэк был ревностным пуританином, студентом-теологом и верным последователем Мильтона. Повстречался он со своим кумиром однажды вечером на немногочисленной вечеринке, и поэт пригласил его на следующей неделе к себе. За первым приглашением последовало второе, вскоре Блэк сделался в доме Мильтона своим человеком, и в конце концов автор «Потерянного

рая» стал давать ему всевозможные мелкие поручения: написать что-то под диктовку, перевести его через улицу, прочесть вслух кого-нибудь из античных авторов. В 1672 году, в письме сестре в Бостон, Блэк упоминает о своих беседах с Мильтоном по поводу толкований библейских текстов. Когда Мильтон умер, Блэк был безутешен. Спустя шесть месяцев, потеряв к Англии всякий интерес, он решает уехать в Америку. В Бостон он прибыл летом 1675 года.

О первых годах жизни Блэка в Новом Свете известно мало. Стиллмен высказал предположение, что Блэк мог отправиться на запад, пуститься в путешествие по неизведанным землям, однако никаких фактов, подтверждающих эти догадки, обнаружить не удалось. С другой стороны, кое-какие замечания в дневниках Блэка указывали на то, что он был не понаслышке знаком с индейскими обычаями, и это навело Стиллмена на мысль, что какое-то время Блэк прожил среди индейцев. Как бы то ни было, впервые имя Шервуда Блэка упоминается лишь в 1682 году, в бостонской книге актов гражданского состояния, по случаю его бракосочетания с некоей девицей по имени Люси Фитс. Спустя два года Блэк возглавляет небольшую пуританскую конгрегацию на окраине города и примерно тогда же становится отцом нескольких детей, однако все они умирают в младенчестве. Выжил только один ребенок, сын Джон, который родился в 1686 году. Однако в 1691 году мальчик, по чистой случайности, выпал из окна второго этажа и погиб. Спустя еще месяц во время

вспыхнувшего в доме Блэков пожара и сам Блэк, и его жена сгорели заживо.

Шервуд Блэк был бы предан забвению, если б не одно обстоятельство: в 1690 году он выпустил в свет брошюру под названием «Новый Вавилон». С точки зрения Стиллмена, это небольшое, на шестидесяти четырех страницах, произведение явилось самым поразительным сочинением о новом континенте из всех написанных в те годы, и воздействие его, несомненно, было бы гораздо более значительным, если бы, как впоследствии выяснилось, большинство экземпляров брошюры не погибло вместе с ее автором в огне. Самому Стиллмену удалось найти всего один экземпляр этой книги, да и то случайно, на чердаке своего фамильного особняка в Кембридже. После многих лет самых тщательных поисков он пришел к выводу, что экземпляр этот единственный.

В «Новом Вавилоне», написанном суровой мильтоновской прозой, говорится о создании рая в Америке. В отличие от других авторов, писавших на эту тему, Блэк не считает, что рай – это такое место на глобусе, которое можно открыть. Не существует карт, пишет он, с помощью которых человек мог бы туда добраться; нет навигационных приборов, которые могли бы указать путь к его берегам. Если рай существует, то существует он внутри нас как некая имманентная идея, которую человек в один прекрасный день сможет воплотить в жизнь «здесь и сейчас». Утопии, поясняет Блэк, не бывает, в том числе и в «словесном выражении». И если человеку

суждено вступить в царство грез, то лишь создав это царство собственными руками.

В своих выводах Блэк целиком основывается на чтении Бытия, которое считает сочинением пророческим. Полагаясь главным образом на мильтоновское толкование грехопадения, он вслед за своим учителем особое внимание уделяет языку. В этом отношении Блэк идет даже дальше Мильтона. Если падение человека, рассуждает он, привело к падению языка, не логично ли будет предположить, что можно остановить падение человека, обратить этот процесс и его последствия вспять, воспрепятствовав падению языка, попытавшись воссоздать тот язык, на котором говорили в Райском саду? Если бы человек научился говорить на исконном своем языке, языке невинности, то не следует ли из этого, что он и сам смог бы стать невинным, очиститься от первородного греха? Достаточно, замечает Блэк, обратиться к примеру Христа, чтобы понять, что дело обстоит именно так. Разве Христос не был человеком, существом из плоти и крови? И разве Христос не говорил на этом догреховном языке? В «Возвращенном рае» Мильтона Сатана изъясняется «многозначительно и туманно», тогда как у Христа «Твои деяния согласны с Твоими словами, Твои слова служат выражением Твоей великой души; а душа Твоя есть совершеннейший образ блага, мудрости, истины». И разве Господь Бог не «послал теперь Свое Живое Слово поведать миру Свою последнюю волю, и вскоре пошлет Своего Духа Истины, Кото-

рый будет обитать в благочестивых сердцах; внутренний голос Его будет просвещать все истины, какие надо знать людям»? Разве грехопадение не завершилось благодаря Христу счастливым исходом, разве не явилось оно, как учат нас отцы Церкви, *felix culpa*²? А следовательно, заключает Блэк, человек и впрямь мог бы заговорить на исконном языке невинности и обрести в себе самом истину во всей ее целокупности.

Обращаясь к библейской истории о башне Вавилонской, Блэк делится с читателем своим планом и пророчествует о том, как, по его мнению, будут развиваться события. Процитировав второй стих одиннадцатой главы Бытия («Двинувшись с востока, они нашли в земле Сennaар равнину и поселились там»), Блэк делает вывод, что в соответствии с этим стихом человечеству предстоит путь на запад. Ведь башня Вавилонская – или Вавилон – находилась в Месопотамии, далеко на восток от земли иудеев. Если башня Вавилонская находилась на западе, то это и был Эдем, исконное место человеческого проживания. Долг человека, согласно требованию Бога рассеяться по всей земле («Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю»), неизбежно предполагал движение в западном направлении. А какая страна во всем христианском мире, задавался вопросом Блэк, находится западнее всех? Америка, разумеется. Решимость английских переселенцев направиться в Америку можно истолковать, следовательно, как исполнение древней заповеди. Америка бы-

² Счастливая вина (лат.).

ла последней ступенью на этом пути. Заселение американского материка явилось судьбоносным шагом в истории цивилизации. С этого момента все помехи для возведения башни Вавилонской («наполняйте землю») были устранены. С этого момента вся земля опять становилась «один язык и одно наречие». А раз так, значит, и рай не за горами.

Подобно тому как башня Вавилонская начала строиться через 340 лет после Потопа, должно пройти, предсказывал Блэк, ровно 340 лет после прибытия в Плимут «Мейфлауэра», прежде чем сбудется эта заповедь. Ибо судьба человечества была теперь в руках пуритан, нового Божьего народа-избранника. В отличие от иудеев, которые не угодили Господу Богу, отказавшись признать Его Сына, англичане-переселенцы напишут заключительную главу в истории, прежде чем небо и земля наконец соединятся. Подобно Ною, спасавшемуся от вод в своем ковчеге, они пересекли безбрежные воды, дабы выполнить свою священную миссию.

Если расчеты Блэка были верны, то это означало, что первая задача переселенцев будет решена в 1960 году. Блэк полагал, что именно тогда будет заложена основа для выполнения главной задачи – строительства новой башни Вавилонской. Более всего, писал Блэк, для этой цели подходит город Бостон, ибо из всех городов мира только в Бостоне основным строительным материалом был кирпич, из которого, о чем прямо говорится в третьем стихе одиннадцатой главы Бытия, и должна строиться башня Вавилонская. В 1960 го-

ду, со всей уверенностью заявлял автор, начнется строительство новой Вавилонской башни, которая устремится в небеса и явится символом воскрешения человеческого духа. История будет написана заново. То, что пало, вознесется; то, что распалось, воссоединится. Когда строительство будет завершено, башня сможет вместить в себя всех жителей Нового Света. Место в ней найдется каждому; стоит человеку войти внутрь, как он забудет все, что знал. Спустя сорок дней и сорок ночей он выйдет из башни новым человеком, он заговорит языком Бога и готов будет войти во второй, теперь уже вечный рай.

На этом кончалась брошюра Шервуда Блэка в пересказе Стиллмена. Датирована она была 26 декабря 1690 года; закончена ровно через семьдесят лет после того, как у берегов Америки бросил якорь «Мейфлауэр».

Квинн со вздохом закрыл книгу. В курительной было пусто. Он подался вперед, обхватил руками голову и закрыл глаза. «Тысяча девятьсот шестидесятый», – произнес он вслух. Квинн попытался представить себе Шервуда Блэка, но у него ничего не получилось. Перед его мысленным взором возникли лишь рвущиеся к небу языки пламени, горящие книги. И тут, потеряв нить своих размышлений, он вдруг вспомнил, что своего сына Стиллмен изолировал от мира именно в 1960 году.

Квинн положил красную тетрадь на колени и уже вынул было ручку, но в последний момент передумал: на сегодня

хватит. Закрыл тетрадь, поднялся со стула, сдал книгу, спустился по лестнице, закурил, вышел из здания библиотеки – и растворился в залитом майским солнцем городе.

На Центральный вокзал Квинн приехал загодя. По расписанию поезд Стиллмена приходил в 6.41, однако, когда он поднялся из метро в громадное здание вокзала, часы показывали только половину пятого: Квинну нужно было время, чтобы сориентироваться, – он боялся, как бы Стиллмен от него не ускользнул. Приближался час пик, и людей с каждой минутой становилось все больше. Пробираясь в толпе, Квинн обследовал все входы и выходы в поисках незаметных лестниц, не отмеченных в плане вокзала проходов, неосвещенных закутков. Вывод напрашивался неутешительный: если пассажир захочет пройти незамеченным, сделать это ему не составит труда. Оставалась только одна надежда: о том, что его встречают, Стиллмену неизвестно. Если же Стиллмен сумеет скрыться, значит, виновата Вирджиния – больше предупредить его было некому. Правда, у Квинна имелся запасной вариант. Если среди пассажиров Стиллмена не будет, он отправится напрямиком на 69-ю стрит и выложит Вирджинии все, что о ней думает.

Прогуливаясь по вокзалу, Квинн только и думал о том, как бы не забыть, за кого он себя выдает. Ощущать себя Полом Остером было не так уж неприятно. Хотя тело, рассудок, мысли оставались у Квинна такими же, как раньше, он испытывал чувство, будто каким-то образом от себя освободился,

будто его не отягощает больше бремя собственной совести. Благодаря простейшему трюку, незаметному переименованию, он чувствовал себя теперь не в пример легче и свободнее. Вместе с тем он прекрасно понимал, что это иллюзия. И все же в иллюзии этой было определенное утешение. Он ведь не потерял себя, он лишь притворяется и в любую минуту сможет, если захочет, вновь сделаться Квинном. Тот же факт, что стать Полом Остером ему пришлось по необходимости (и необходимость эта становилась насущнее с каждой минутой), служил для него своего рода моральным оправданием; в сложившихся обстоятельствах Квинн не считал себя обязанным оправдываться за свою ложь. Ведь, вообразив себя Остером, он делал, в сущности, доброе дело.

Итак, словно бы находясь внутри Пола Остера, Квинн бродил по вокзалу и ждал, когда придет Стиллмен. От нечего делать он поднял глаза на сводчатый потолок с изображением звездного неба. В расположении мерцающих электрических лампочек угадывались контуры созвездий. Квинн никогда не мог уловить связь между созвездиями и их именами. Мальчишкой он часами смотрел на ночное небо, пытаясь разглядеть в далеких гроздьях огоньков очертания медведей, быков, стрельцов, водолеев. Но у него ничего не получалось, и он чувствовал себя полным дураком, ему казалось, что вместо мозга у него гигантская прореха. Интересно, в детстве Остер был смышленнее его или нет?

Напротив красовалась гигантская, во всю стену, рекла-

ма фотопленки «Кодак» – яркие, неземные краски. На рекламном щите этого месяца была сфотографирована улочка в каком-то рыбацком поселке Новой Англии – возможно, это был Нантакет. Булыжная мостовая весело переливалась в лучах весеннего солнца, на подоконниках выстроились красные, белые, розовые цветы в горшках, а в конце улицы виднелся океан: белые барашки волн и вода – синяя-синяя. Квинн вспомнил, как много лет назад приехал в Нантакет вместе с женой; она была беременна, на первом месяце, и его сын был тогда не больше крошечной миндалины у нее в животе. Думать об этом сейчас Квинну было тяжело, и он попытался мысленно затушевать возникавшие в мозгу картинки. «Смотри на все глазами Остера, – скомандовал он себе, – и ни о чем другом не думай». Он вновь взглянул на фотографию и с облегчением обнаружил, что думает не о жене и сыне, а о китах, экспедициях, которые снаряжались из Нантакета в прошлом веке, о Мелвилле и первых страницах «Моби Дика». Затем ему вспомнилось, что он читал о последних годах жизни Мелвилла. Замкнутый, нелюдимый старик, чиновник на нью-йоркской таможне – никому не нужный, всеми забытый. И тут, совершенно неожиданно, перед его глазами ясно, четко возникли окно Бартлби и глухая кирпичная стена напротив.

Кто-то коснулся его руки, и Квинн, вздрогнув от неожиданности, увидел перед собой невысокого мужчину, который молча протягивал ему двухцветную красно-зеленую ша-

риковую ручку. К ручке был прикреплен маленький белый бумажный флажок, на одной стороне которого значилось: «ОБЩЕСТВО ГЛУХОНЕМЫХ. Заплатите, сколько можете. Спасибо». На другой стороне флажка была напечатана азбука глухонемых – УЧИТЬСЯ ГОВОРИТЬ со своими ДРУЗЬЯМИ – с рисунками: положение руки для каждой из двадцати шести букв алфавита. Квинн вынул из кармана и дал глухонемому доллар. Глухонемой коротко кивнул и двинулся дальше, оставив Квинна с шариковой ручкой в руке.

Шел уже шестой час. Квинн решил, что будет лучше, если он переберется в зал ожидания. Обычно в этом мрачном пыльном помещении сидели люди, которым некуда было пойти, однако сейчас, в самый разгар часа пик, зал ожидания был забит мужчинами и женщинами с портфелями, книгами, газетами. Найти место было не так-то просто. Поискав минуты две-три, куда бы сесть, Квинн наконец обнаружил свободное место на одной из скамеек и втиснулся между мужчиной в синем костюме и полной молодой женщиной, мужчина изучал спортивную колонку в «Нью-Йорк таймс», и Квинн заглянул ему через плечо, чтобы прочесть отчет о вчерашнем поражении «Метрополитенс». Он уже пробежал глазами третий абзац, но тут мужчина медленно к нему повернулся, смерил его злобным взглядом и резким движением убрал газету.

И вдруг произошла странная вещь. Ища глазами, что бы еще почитать, Квинн повернулся к девице справа. На вид

ей было лет двадцать: на левой щеке под густым розоватым слоем дешевой косметики прячутся несколько прыщиков, во рту хлюпает жвачка. Видеть такую девицу с книжкой было непривычно – книга, правда, была в мягком переплете с броской картинкой на обложке. Квинн слегка, едва заметно, наклонился вправо, чтобы прочесть название, – и, к величайшему своему удивлению, обнаружил, что в руках у соседки роман его собственного сочинения. Уильям Уилсон «Самоубийство по принуждению». Первый роман из серии «Следствие ведет Макс Уорк». Квинн часто воображал, как будет проходить его встреча с читателем, какое удовольствие он получит. Он даже представлял себе разговор, который при этом состоится: незнакомец начнет расхваливать книгу, а он сначала будет скромничать, а затем, с большой неохотой, после всевозможных отговорок, согласится сделать на титульном листе дарственную надпись – «раз уж вы так настаиваете». Теперь же он не испытал ничего, кроме разочарования, даже раздражения. Сидевшая рядом девица ему не понравилась, и мысль о том, что она лениво листает страницы, над которыми он столько корпел, вызывала у него досаду. Ему хотелось вырвать книгу у нее из рук, убежать на другой конец вокзала.

Он вновь окинул девицу взглядом, попытался, следя за ее зрачками, перебегавшими с одной строчки на другую, слышать слова, которые звучали у нее в мозгу. Должно быть, Квинн смотрел очень пристально, ибо минуту спустя девица

с недовольным выражением повернулась к нему и сказала:

– Какие проблемы, приятель?

Квинн слабо улыбнулся.

– Никаких проблем. Просто мне интересно, нравится ли вам эта книга.

Девушка пожала плечами.

– Бывают и лучше, – буркнула она.

Квинн хотел было сразу же прекратить разговор, но что-то его удержало. Прежде чем встать и уйти, он неожиданно для себя самого спросил:

– Читается хорошо?

Девушка опять пожала плечами и громко чмокнула жвачкой.

– Когда сыщик пропал, даже боязно стало, – сформулировала она.

– А сыщик толковый, как вам кажется?

– Да, не дурак. Только треплется много.

– Вы предпочитаете, когда больше действия?

– Типа того.

– Если не нравится, зачем тогда читаете?

– Сама не знаю. – Девушка пожала плечами в третий раз. – Надо же время провести. Короче, не фонтан. Книжка как книжка.

Квинн решил было сказать ей, кто он, но потом понял, что это лишнее. Девушка была безнадежна. В течение пяти лет он скрывал, кто такой Уильям Уилсон, и раскрывать те-

перь свой псевдоним, да еще первой попавшейся идиотке, в его планы не входило. И все-таки ему было обидно, и теперь уже пожал плечами он – чтобы скрыть ущемленную гордость. Вместо того чтобы вклеить девице пощечину, он резко встал и, не говоря ни слова, ушел.

Ровно в 6.30 он занял место у выхода номер двадцать четыре. Поезд приходил по расписанию, и Квинн, стоявший в самом центре прохода, счел, что Стиллмен вряд ли пройдет незамеченным. Он вынул из кармана фотографию и вновь изучил ее, особое внимание уделив глазам Стиллмена. Он где-то читал, что с возрастом у человека могут измениться все черты лица, кроме глаз. Глаза изменениям не подвержены, и любой мало-мальски наблюдательный человек узнает старика по глазам, если видел его детскую фотографию. У Квинна на этот счет кое-какие сомнения имелись, однако ничем, кроме фотографии, он не располагал, это была единственная связь между прошлым и настоящим. Однако лицо Стиллмена по-прежнему ничего ему не говорило.

Поезд въехал под крышу вокзала, и Квинн почувствовал, как стук колес отзывается во всем его теле, как участился пульс, ударила в лицо кровь. В мозгу зазвучал голос Питера Стиллмена; казалось, стенки черепа вот-вот лопнут от неудержимого потока безумных слов. Квинн приказал себе сохранять спокойствие, однако это не помогло. Он волновался и ничего не мог с собой поделать.

Из поезда начали выходить люди, и через минуту-другую ему навстречу устремился сплошной поток. Квинн судорожным движением прижал красную тетрадь локтем к груди, встал на цыпочки и вперился в толпу. Вскоре людская волна приблизилась и начала обтекать его с обеих сторон. Кого тут только не было: мужчины и женщины, дети и старики, подростки и младенцы, богатые и бедные, чернокожие мужчины и белые женщины, белые мужчины и чернокожие женщины, японцы и арабы, мужчины в бежевом, сером, синем и зеленом, женщины в красном, белом, желтом и розовом, дети в кроссовках, дети в ботинках, дети в ковбойских сапогах, толстые и худые, высокие и низкие, каждый был сам собой и не имел ничего общего с остальными. Застыв на месте, Квинн всматривался в эти лица с таким ощущением, будто все естество Стиллмена сосредоточилось в глазах. Стоило любому немолодому человеку попасть в поле зрения Квинна, как он сразу же принимал его за Стиллмена. Пассажиры слишком быстро проходили и растворялись в толпе, чтобы всякий раз испытывать разочарование, и тем не менее каждое старческое лицо воспринималось Квинном как предвестие возникновения настоящего Стиллмена, и он еще пристальнее всматривался в новые лица, коллекционировал их, словно богатство этой коллекции являлось залогом появления самого Стиллмена. «Вот что значит быть детективом», – подумалось вдруг Квинну. Впрочем, мысли ему в голову не шли. Он не думал – он смотрел. Стоял и смотрел –

неподвижный в безостановочно двигающейся толпе.

В первый раз Квинн увидел Стиллмена, когда примерно половина пассажиров уже прошла. Такой же, как на фотографии. Нет, вопреки предположениям Квинна, Стиллмен вовсе не облысел: перед ним был высокий, худой, слегка сутулый старик лет шестидесяти пяти, с густой копной седых всклокоченных волос. Одет он был не по сезону в длинную бежевую поношенную куртку и слегка шаркал. Выражение лица у него было совершенно безмятежное, нечто среднее между оцепенением и задумчивостью. Он не смотрел по сторонам и был всецело погружен в себя. Весь его багаж состоял из когда-то красивого, однако выдавшего виды небольшого, перетянутого ремнем чемодана. Идя по перрону, он пару раз останавливался, опускал чемодан и отдыхал минуту-другую. Передвигался он с трудом; издали казалось, что его несет толпа и он никак не решит, подчиниться ей или дать себя обогнать.

Квинн попятился назад, готовясь, в зависимости от того, куда Стиллмен направится, резко податься либо налево, либо направо и начать преследование. На всякий случай он решил держаться от старика подальше, чтобы тот не почувствовал, что за ним следят.

Дойдя до выхода из вокзала, Стиллмен в очередной раз опустил на землю свой чемодан и остановился. Улучив момент, Квинн отвел от него глаза и окинул взглядом других пассажиров – удостовериться, что ошибки не произошло. И

тут случилось нечто невероятное. Прямо за спиной у Стиллмена, чуть справа, остановился еще один человек – остановился, достал из кармана зажигалку и закурил. Человек этот был похож на Стиллмена как две капли воды. В первый момент Квинн решил, что это видение, мираж. Но нет, Стиллмен номер два двигался, дышал, моргал; его действия были никак не связаны с действиями Стиллмена номер один. В отличие от первого Стиллмена от второго веяло благополучием: на нем был дорогой синий костюм, туфли начищены до блеска, седые волосы расчесаны на пробор, а проницательный, живой взгляд выдавал человека не только преуспевающего, но и очень неглупого. У него тоже был всего один чемодан – элегантный, черный, примерно такого же размера, как у Стиллмена номер один.

Квинн оцепенел. Теперь любой его ход будет ошибочным, любое действие – опрометчивым. До самого конца он будет теперь находиться в плену мучительной неопределенности. И тут Стиллмены двинулись каждый в свою сторону: первый повернул направо, второй – налево. Квинн позавидовал амебе, ему хотелось разорваться пополам, пуститься бежать одновременно в двух направлениях. «Сделай же что-нибудь, и побыстрее, идиот!» – прикрикнул он на себя.

Почему-то Квинн повернул налево и последовал за вторым Стиллменом, однако, сделав шагов десять, остановился. Что-то подсказывало ему, что он совершает ошибку. Квинн действовал наперекор самому себе, словно желая наказать

второго Стиллмена за то, что тот его запутал. Он обернулся и увидел, как первый Стиллмен своей шаркающей, неторопливой походкой удаляется в противоположном направлении. Нет, конечно же, ему нужен был он. Этот жалкий, отрешенный от жизни старик наверняка и был безумным Стиллменом. Квинн судорожно глотнул воздух и глубоко выдохнул – раз, другой. Может, он и ошибается – правды ему все равно не узнать. Он пошел за первым Стиллменом и, замедлив шаг, чтобы его не обогнать, спустился вслед за ним в метро.

Было уже почти семь часов, и толпа начинала редеть. Хотя Стиллмен и был погружен в себя, ориентировался он отлично: спустился по лестнице, приобрел жетон, вышел на платформу и стал спокойно дожидаться поезда, идущего в сторону Таймс-сквер. Квинн больше не боялся, что профессор его заметит. Он впервые видел человека, который был бы так занят своими мыслями. Даже если бы он стоял прямо перед ним, старик и тогда вряд ли обратил бы на него внимание.

Они доехали до Вест-Сайда, прошли узким сырым коридором до станции «42-я стрит», спустились еще ниже, сели через семь-восемь минут на бродвейский экспресс, проехали два длинных перегона и сошли на станции «96-я стрит». Медленно поднялись по лестнице (Стиллмен несколько раз останавливался, ставил чемодан на ступеньки и переводил дух) и наконец вышли на залитую сиреневым вечерним светом улицу. Ориентировался Стиллмен и здесь: уверенно, даже не глядя на указатели, он зашагал по Бродвею в сторо-

ну 107-й стрит. «Уж не ко мне ли он направляется?» – пронеслось у Квинна в мозгу, однако по-настоящему испугаться он не успел: на углу 99-й стрит Стиллмен остановился, дождался, когда загорится зеленый свет, и перешел на противоположную сторону Бродвея, где, чуть выше, находилась маленькая дешевая гостиница со звучным названием «Гармония». Квинн много раз проходил мимо и хорошо знал, какой там живет сброд, а потому очень удивился, увидев, как Стиллмен открыл входную дверь и вошел внутрь. Ему почему-то казалось, что старик мог бы позволить себе гостиницу подороже. Однако, увидев через стеклянную дверь, как профессор подходит к стойке администратора, что-то – свое имя, не иначе – вписывает в регистрационную книгу, поднимает чемодан и исчезает в лифте, Квинн понял: жить Стиллмен будет именно здесь.

Полагая, что старик, прежде чем отойти ко сну, выйдет пообедать в соседнем кафе, Квинн еще часа два прогуливался взад-вперед по улице, однако Стиллмен так и не появился, и Квинн, решив, что профессор отправился спать, позвонил из углового телефона-автомата Вирджинии Стиллмен, дал ей полный отчет обо всем, что произошло, и направился домой на 107-ю стрит.

Все последующие дни – много дней – Квинн с самого утра занимал место на скамейке в маленьком сквере на пересечении Бродвея и 99-й стрит. Приходил он рано, не позже семи, брал в кафе по соседству чашку кофе и бутерброд и садился с газетой на коленях лицом к отелю «Гармония», не сводя глаз со стеклянной двери. Стиллмен появлялся обычно около восьми – в своей неизменной длинной бежевой куртке, с большим старомодным саквояжем в руке. Каждый день на протяжении двух недель повторялось одно и то же. Старик выходил из гостиницы и медленно, семенящей походочкой, то и дело останавливаясь, словно отмеривая и выверяя каждый шаг, брел по улицам. Квинну следовать за ним было довольно трудно. Он-то привык к быстрой ходьбе, и все эти остановки, мелкие шажки, шарканье утомляли его, действовали на нервы; ему казалось, что от всего этого у него нарушается кровообращение. Он был зайцем, преследующим черепаху, и ему приходилось то и дело напоминать себе, что хорошо бы придержать шаг.

Какие цели преследует этими прогулками Стиллмен, оставалось для Квинна загадкой. Разумеется, от его взгляда ничего не могло укрыться, и все увиденное он тщательно фиксировал в своей красной тетради. Однако смысл увиденного Квинн постичь не мог. Заранее продуманного маршру-

та у Стиллмена явно не было, вдобавок он, похоже, никогда не знал, где находится. И все же, словно задавшись какой-то конкретной целью, он держался одной и той же довольно ограниченной территории, которая на север простиралась до 110-й стрит, на юг – до 72-й, на западе упиралась в Риверсайд-парк, а на востоке – в Амстердам-авеню. Всякий раз Стиллмен выбирал разные пути, маршрут его менялся день ото дня – и тем не менее за границы этой территории он не выходил ни разу. Такая последовательность озадачивала Квинна, тем более что Стиллмен не производил впечатления человека, твердо знающего, чего он хочет.

Шел Стиллмен не подымая глаз. Он постоянно смотрел себе под ноги, иногда наклонялся, что-то подбирал и, вертя находку в руке, внимательно ее разглядывал. В эти минуты он напоминал Квинну археолога, изучающего черепок на раскопках какого-то доисторического строения. Бывало, оглядев предмет со всех сторон, Стиллмен бросал его на землю; однако чаще всего открывал свой саквояж и бережно опускал находку туда, после чего, порывшись в боковом кармане куртки, извлекал оттуда красную тетрадь – такую же, как у Квинна, только поменьше – и что-то сосредоточенно в ней писал. Завершив эту операцию, он прятал тетрадь обратно в карман, поднимал саквояж и продолжал путь.

Насколько Квинн мог судить, вещи, которые подбирал Стиллмен, никакой ценности не представляли. В основном это был хлам, старье, отбросы, например рванный зонтик, ото-

рванная голова резиновой куклы, черная перчатка, патрон от перегоревшей электрической лампочки, какие-то разбухшие от сырости журналы, обрывки газет, разорванная фотография, части какого-то неизвестного механизма, а также всевозможный плавающий по воде мусор, установить назначение которого Квинн не сумел. То, что к этим отбросам Стиллмен относился со всей серьезностью, озадачило Квинна, однако ему не оставалось ничего другого, как наблюдать, записывать то, что он видел, в красную тетрадь и уныло размышлять о том, что бы все это значило. В то же время ему приятно было сознавать, что и у Стиллмена тоже есть красная тетрадь, она словно бы их объединяла, роднила. Он подзревал, что в красной тетради Стиллмена имелись ответы на те вопросы, которые копились у него в мозгу, и Квинн начал обдумывать, как бы эту тетрадь у старика выкрасть. Но для такого шага время еще не пришло.

Ничем больше Стиллмен не занимался. Время от времени он делал в своих поисках перерыв и шел в кафе перекусить. Бывало, он сталкивался с прохожими и бормотал извинения. Один раз, когда он переходил улицу, его чуть не сбила машина. Стиллмен ни с кем не заговаривал, он никогда не заходил в магазины, ни разу не улыбнулся. Его лицо не выражало никаких эмоций, ни положительных, ни отрицательных. Дважды, собрав особенно большую добычу, он возвращался в гостиницу в середине дня, а затем через несколько минут появлялся вновь с пустым саквояжем. Почти каждый

день он по несколько часов проводил в Риверсайд-парке, без устали шагая по асфальтовым дорожкам или же шаря палкой в кустах. В зелени парков он был столь же неутомим в своих поисках, как на улицах или пустырях. Здесь он набивал саквояж камнями, листьями, сухими ветками. Один раз его привлекла даже засохшая кучка собачьего дерьма: Стиллмен наклонился над ней, долго нюхал и в конце концов подобрал. Отдыхал Стиллмен, как правило, тоже в парке. Во второй половине дня, предварительно перекусив, он подолгу сидел на скамейке и смотрел на Гудзон. Однажды, когда день выдался особенно теплый, Квинн видел, как старик спал, растянувшись на траве. С наступлением темноты Стиллмен обычно обедал в закусочной «Аполлон» на перекрестке Бродвея и 97-й стрит, после чего шел обратно в гостиницу. Связаться со своим сыном он не пытался ни разу, о чем и было доложено Вирджинии Стиллмен, которой Квинн аккуратно звонил каждый вечер по возвращении домой.

Постепенно Квинн освоился и вскоре, чувствуя, что занимается вовсе не тем, чем собирался вначале, стал задаваться вопросом: а есть ли смысл в том, что он делает? Разумеется, Стиллмен вполне мог, прежде чем нанести решающий удар, тянуть время, усыплять бдительность своих противников. Но это бы означало, что старик знает об установленной за ним слежке, а это казалось Квинну очень маловероятным. Покамест со своим заданием он справлялся неплохо: держался от старика на почтительном расстоянии, умел за-

теряться в уличной толпе; он и не привлекал к себе внимания, и не прятался в подворотнях. С другой стороны, Стиллмен вполне мог отдавать себе отчет, даже заранее зная, что за ним следят, а потому не считал нужным выяснять, кому именно эта слежка поручена. Ведь если точно известно, что к нему приставлен человек, какая разница, кто это? Одну ищейку, попадись она преследуемому на глаза, всегда можно заменить другой.

Такой вариант устраивал Квинна, и он убеждал себя, что поступает правильно, хотя никаких доказательств своей правоты у него не было. Одно из двух: либо у Стиллмена был план действий, либо нет. Если нет, значит, Квинн на ложном пути, значит, он понапрасну тратит время. Куда отраднее было предположить, что все действия Стиллмена подчинены определенной цели, и Квинн готов был принять такое положение вещей за аксиому – по крайней мере, на ближайшее время.

Оставалась еще одна проблема: чем занять мысли во время слежки? Вообще-то Квинн привык к блужданиям по городу, эти прогулки научили его ощущать связь между внутренним и внешним. Используя бесцельное движение для пересмотра своих чувств и мыслей, он стал впитывать внешнюю сторону жизни и тем самым нарушать суверенность своего внутреннего мира. Заглушая внутреннее внешним, топя себя в самом себе, он научился кое-как справляться с охватывавшими его приступами отчаяния. Блуждание по улицам

было для него, таким образом, возможностью какое-то время ни о чем не думать. Но слежку за Стиллменом нельзя было назвать бездумным блужданием. Сам Стиллмен мог позволить себе бесцельно, точно слепец, бродить по улицам, Квинн же такой привилегии был лишен. Ему следовало сосредоточиться на том, что он в данный момент делает, даже если делать было особенно нечего, однако он постоянно отвлекался, и вслед за мыслями выходили из подчинения ноги. Это означало, что он мог, сам того не замечая, ускорить шаг и врезаться в Стиллмена сзади. Чтобы этого не произошло, Квинн разработал несколько способов самоконтроля. Первый способ состоял в том, чтобы напомнить себе: больше он не Дэниел Квинн. Теперь он был Полом Остером и с каждым днем, с каждым следующим шагом все лучше приспосабливался к своей новой роли. Остер оставался для него лишь именем, чем-то лишенным реального содержания. Быть Остером значило быть человеком без внутреннего мира, человеком без мыслей. А раз мысли Остера были ему недоступны, раз собственная его внутренняя жизнь оставалась для него недостижимой, значит, и погружаться было некуда. Будучи Остером, он был лишен возможности вспоминать или бояться, мечтать или радоваться, ибо и воспоминания, и страхи, и радости принадлежали Остеру, а не ему. В результате Квинну по необходимости приходилось ограничиваться внешней стороной жизни, искать опору не внутри, а вовне. Следить за Стиллменом поэтому было

для него единственным способом отвлечься от собственных мыслей.

Пару дней такая тактика приносила определенный успех, однако в конце концов ее однообразие усыпило даже Остера. Квинн понял: чтобы занять себя, ему необходимо что-то еще, какое-то постоянное дело, которым бы сопровождалась слежка. Помогла красная тетрадь. Если первые дни он лишь записывал разрозненные впечатления, да и те между делом, то теперь решил фиксировать все, чем занимался Стиллмен. Вооружившись ручкой, купленной у глухонемого, Квинн всерьез взялся за работу. Он самым тщательным образом описывал не только все перемещения Стиллмена, его телодвижения и жесты, но и предметы, которые Стиллмен подбирал или отбрасывал; он не только вел учет всем событиям, но и дотошно фиксировал маршрут Стиллмена по городу, указывая каждую улицу, по которой он шел, каждый поворот, который он делал, все места, где он отдыхал. Благодаря красной тетради Квинн не только отвлекался от слежки, но и невольно замедлял шаг; теперь он постоянно держался от Стиллмена на почтительном расстоянии. Делать записи на ходу было не так-то просто. В прошлом Квинн либо ходил, либо писал – теперь же пытался эти занятия совместить. Вначале он делал немало ошибок. Особенно трудно было писать, не глядя на страницу, и он часто обнаруживал, что строчки налезает одна на другую, напоминая неразборчивые древние письма. Чтобы взглянуть на страницу, ему

пришлось бы остановиться, а это увеличивало риск потерять Стиллмена из виду. Через некоторое время Квинн пришел к выводу, что все зависит от того, в каком положении находится тетрадь. Сначала он держал ее перед собой под углом сорок пять градусов, однако вскоре у него заныло левое запястье. Затем он попробовал смотреть поверх тетради – это положение оказалось столь же неудобным. Тогда Квинн пристроил тетрадь на согнутую в локте правую руку, поддерживая ее ладонью левой руки, но у него стали затекать пальцы, в которых он держал ручку; к тому же в таком положении невозможно было писать на нижней части страницы. Кончилось тем, что Квинн решил упереть тетрадь в левый бок, на манер художника, который держит палитру. Последний вариант оказался наиболее удачным: левая рука теперь не затекала, а правая оставалась свободной, и можно было писать без труда. Хотя и у этого способа имелись свои недостатки, он, как показало время, подходил лучше всего. Теперь Квинн получил наконец возможность уделять равное внимание и Стиллмену, и своим записям: поднял глаза на старика – опустил в тетрадь; что-то подметил – и так же быстро подмеченное зафиксировал. С шариковой ручкой глухонемого в правой руке и с красной тетрадью, упертой в левый бок, Квинн преследовал Стиллмена еще девять дней.

Вечерние разговоры по телефону с Вирджинией Стиллмен продолжались обычно недолго. Ее поцелуя Квинн не за-

был, но романтическая завязка продолжения не имела. Первое время Квинн ожидал, что что-то между ними произойти должно. После такого многообещающего начала он не сомневался, что рано или поздно миссис Стиллмен окажется в его объятиях. Однако работодательница поспешила скрыться под маской деловых отношений и о событиях того вечера не вспомнила ни разу. Не исключено, что Квинн обманулся в своих ожиданиях, перепутав себя с Максом Уорком, человеком, который ни разу не упустил случая извлечь выгоду из подобных ситуаций. А может, Квинн просто стал острее чувствовать свое одиночество. Он уже забыл, что такое близость теплого женского тела. По правде говоря, Вирджиния Стиллмен приглянулась ему сразу же, задолго до того, как запечатлела на его губах поцелуй. Он и сейчас, хотя давно уже ее не видел, продолжал рисовать в своем воображении ее обнаженное тело. Каждую ночь он тешил себя сладострастными образами, и, хотя образам этим едва ли суждено было обрести реальные черты, они отвлекали его от дневных забот. Гораздо позже, когда это уже не имело никакого значения, Квинн понял, что втайне от самого себя он, подобно средневековому рыцарю, мечтал о том, как в награду за блестящее расследование дела и спасение Питера Стиллмена ему достанется Вирджиния Стиллмен. Это, разумеется, было ошибкой. Однако из всех ошибок, которые совершил Квинн, эта была самая простительная.

Шел тринадцатый день слежки. В этот вечер Квинн вер-

нулся домой мрачнее тучи. Он потерял всякую надежду на успех и был близок к тому, чтобы выбросить белый флаг. Он долгое время обманывал себя, всеми силами старался себя увлечь, подбодрить, однако теперь пришел к выводу, что дело, за которое взялся, того не стоит. Стиллмен – сумасшедший старик, он давным-давно забыл про своего сына. Ходить за ним по пятам можно до скончания века, и это все равно ни к чему не приведет. Квинн снял трубку и набрал номер Вирджинии Стиллмен.

– По-моему, пора сворачиваться, – сказал он. – Питеру, судя по всему, ничего не угрожает.

– К этой мысли он нас и подталкивает, – возразила Вирджиния. – Вы даже себе не представляете, насколько он умен. И терпелив.

– Он, может, и терпелив, зато мое терпение на исходе. Мне кажется, вы впустую тратите деньги. А я – время.

– Вы уверены, что он вас не видел? От этого ведь многое зависит.

– Да, уверен, хотя дать стопроцентную гарантию, естественно, не могу.

– Так что вы хотели сказать?

– Я хотел сказать, что оснований для беспокойства нет. Во всяком случае, сейчас. Если в дальнейшем что-то случится, свяжитесь со мной. Явлюсь по первому вашему зову.

Вирджиния помолчала.

– Может, вы и правы, – сказала она после паузы. А потом,

снова помолчав, добавила: – И все-таки не могли бы мы пойти на компромисс?

– Смотря какой.

– Самый обыкновенный. Давайте последим за ним еще несколько дней. Чтобы окончательно себя обезопасить.

– При одном условии, – сказал Квинн. – Вы даете мне полную свободу. Я буду действовать так, как сочту нужным. Хочу иметь возможность поговорить с ним, задать ему ряд вопросов, докопаться до истины.

– А это не рискованно?

– Вам волноваться нечего. Наши карты я ему раскрывать не собираюсь. Он не будет даже знать, кто я такой и что у меня на уме.

– Как это вам удастся?

– Это мое дело. У меня есть самые разные способы его разговорить. Можете мне поверить.

– Хорошо, действуйте, как сочтете нужным. Надеюсь, нам это не повредит.

– Вот и прекрасно. Послежу за ним еще несколько дней, а там посмотрим.

– Мистер Остер?

– Да?

– Знаете, я вам ужасно признательна. Последние две недели Питер в такой хорошей форме. И это благодаря вам. Он только о вас и говорит. Вы для него... даже не знаю... как герой.

– А для миссис Стиллмен?

– И для миссис Стиллмен тоже.

– Рад слышать. Надеюсь, придет день, когда наступит моя очередь быть вам признательным.

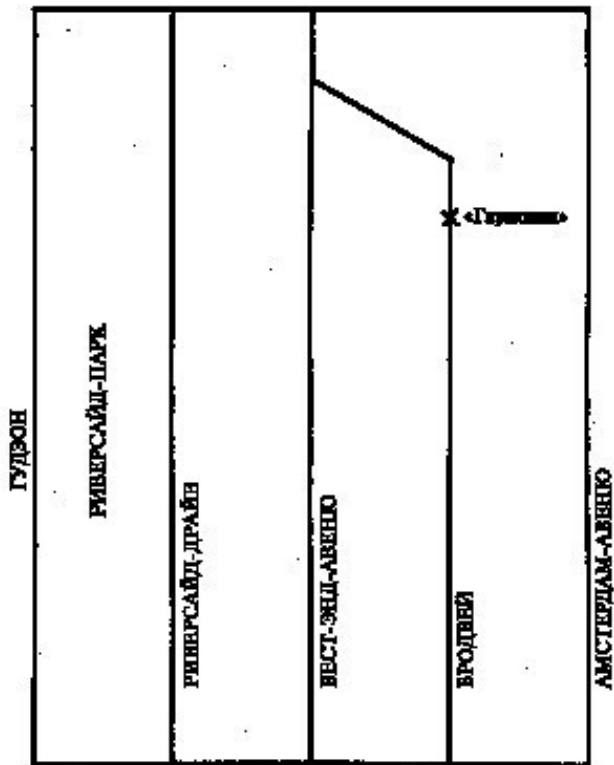
– Все может быть. В жизни ведь все возможно, мистер Остер. Не забывайте об этом.

– Не забуду. Ни за что.

На ужин Квинн съел яичницу с жареным хлебом, выпил бутылку пива, сел за письменный стол и раскрыл красную тетрадь. Он вел дневник уже много дней, исписал беглым, неряшливым почерком много страниц, а вот прочесть написанное до сих пор не решался. Теперь же, когда конец истории был не за горами, он счел, что заглянуть в тетрадь можно. Многие слова разобрать было очень непросто, особенно на первых страницах. Когда же ему удавалось все-таки расшифровать свои каракули, подчас выяснялось, что трудился он напрасно. «Подобрал карандаш посреди жилого квартала. Изучает, колеблется, прячет в сумку... Купил сандвич в баре... Сидит на скамейке в парке и просматривает свою красную тетрадь». Такой чепухой исписаны были целые страницы.

Все зависело от того, какие цели он преследовал. Если считать, что в его планы входило понять Стиллмена, разобраться, что он собой представляет, чтобы предположить, на что он способен, тогда Квинн, безусловно, потерпел пол-

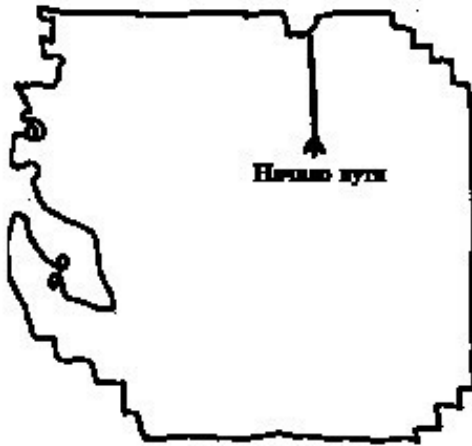
ное фиаско. Когда он взялся за это дело, то располагал о Стиллмене весьма ограниченными сведениями. Ему были известны его происхождение и профессия; он знал о заточении сына и принудительной госпитализации отца, а также о весьма странном научном опусе, созданном в то время, когда Стиллмен-старший, по всей видимости, еще не лишился рассудка. Самая же главная информация состояла в том, что Вирджиния Стиллмен была убеждена: Стиллмен по-прежнему представляет для своего сына серьезную опасность. Теперь, однако, выяснялось, что вся эта информация никак не подтверждена. Квинн испытывал глубокое разочарование. Он всегда считал, что наблюдательность детектива – главный залог его успеха. Чем дотошнее расследование, тем весомее результат, а значит, поведение человека поддается пониманию, за непроницаемым фасадом жестов, скороговорок и пауз можно обнаружить последовательность, порядок, причинно-следственную связь. Но странное дело: несмотря на две недели неотступной слежки, Квинн знал теперь Стиллмена ничуть не лучше, чем тогда, на вокзале. Столько дней он жил жизнью Стиллмена, копировал его походку, видел то же, что видел он, однако уверен был лишь в одном: в его абсолютной непроницаемости. За эти две недели расстояние между ним и Стиллменом не только не сократилось, но увеличилось еще больше, и это при том, что целыми днями он не спускал со старика глаз.



Сам не зная зачем, Квинн открыл тетрадь на чистой странице и набросал небольшую карту того района, по которому бродил Стиллмен.

После этого, внимательно просмотрев свои записи, он принялся вычерчивать извилистый путь, проделанный

Стиллменом за один день – тот самый, с которого начал фиксировать передвижения старика во всех подробностях. Вот что у него получилось:



Поразило Квинна то, что Стиллмен все время двигался по периметру и ни разу не зашел в центр. Рисунок отдаленно напоминал карту несуществующего штата на Среднем Западе. За вычетом короткой прямой – одиннадцати кварталов на Бродвее, которые старик миновал в самом начале, – да причудливых завитушек, символизовавших скитания Стиллмена в Риверсайд-парке, схема передвижений профессора по городу напоминала прямоугольник. С другой стороны, при параллельно-перпендикулярной структуре нью-

йоркских улиц рисунок мог восприниматься и как ноль или же как буква О.

Квинн обратился к записям следующего дня и решил посмотреть, какова будет схема передвижений Стиллмена на этот раз. Новый рисунок мало чем напоминал предыдущий.

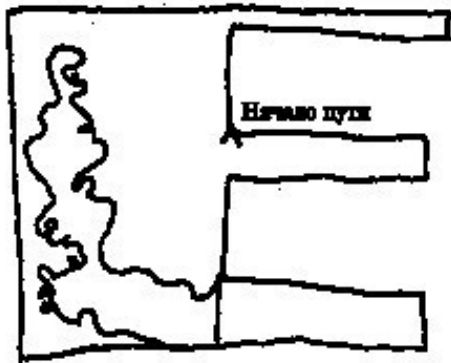
Ассоциировался он с птицей, пожалуй даже, с хищной птицей, которая, широко расправив крылья, парила в воздухе. Однако в следующий момент ассоциация эта показалась Квинну искусственной, притянутой за уши. Птица исчезла, и на ее месте возникли два абстрактных рисунка неправильной формы, с зубчатыми краями, между которыми был перекинут крошечный мостик – маршрут Стиллмена по 83-й стрит. На какое-то мгновение Квинн отвлекся от рисунка и задумался. Чем он занимается? Рисует какие-то каракули, чтобы убить время, или действительно пытается что-то понять? Прямого ответа на этот вопрос не было. Ведь если он просто хотел убить время, зачем было прибегать к столь трудоемкому способу? Неужели он так запутался, что утратил способность соображать? С другой стороны, если это не развлечение, то что же? По всей видимости, он пытался отыскать некий ключ. В броуновском движении Стиллмена он стремился нащупать какую-то логику, последовательность. А это могло означать только одно: Квинн по-прежнему отказывался верить в случайность поступков старика. Он хотел обязательно отыскать в них какой-то смысл, пусть даже маловразумительный. А это само по себе было неприемлемо.

Ведь это означало бы, что Квинн отрицает факты, чего сыщику нельзя делать ни под каким видом.



И тем не менее он решил продолжать. Идти спать было рано, еще не было одиннадцати, да и вреда в этом времяпрепровождении он не усматривал.

Третья схема не имела ничего общего с первыми двумя.



Здесь все было более или менее ясно. Стоило отбросить закорючки – хаотичное передвижение Стиллмена по парку, – и перед Квинном, он в этом ни минуты не сомневался, возникала буква Е. Если предположить, что первый рисунок представлял собой букву О, то крылья хищной птицы на втором можно было принять за W. Буквы О-W-E определенно являлись частью какого-то слова, вот только какого? К сожалению, фиксировать маршрут Стиллмена Квинн начал лишь на пятый день, поэтому о том, какие буквы могли составить из маршрутов первых четырех дней, оставалось только догадываться. Теперь, понимая, что тайна первых четырех дней может остаться нераскрытой, он пожалел, что не начал отслеживать передвижения Стиллмена раньше. Не исключено, впрочем, что будущими открытиями удастся компенсировать просчеты, допущенные в прошлом. Дойдя

до конца, можно будет восстановить начало.

Схема следующего дня напоминала по форме букву R. Как и все предыдущие рисунки, этот тоже осложнялся всевозможными отклонениями, а также всегдашними узорами, означавшими хождение по парку. По-прежнему стремясь быть как можно более объективным, Квинн попытался проанализировать этот рисунок так, как если бы не ожидал усмотреть в нем букву алфавита, и вынужден был признать, что рисунок вполне мог быть совершенно произвольным. Может, все это ему привиделось? Ведь когда он был мальчишкой, ему тоже часто казалось, что облака представляют собой какие-то диковинные рисунки. И все же сходство с буквами бросалось в глаза. Если бы букву напоминала всего одна схема или даже две, это еще можно было бы счесть случайностью, но четыре?!

Маршрут следующего дня походил на скособоченное O, что-то вроде пончика, перерезанного тремя или четырьмя зубчатыми линиями. Затем возникли нескладное F с привычными уже завитушками по бокам и B, которое напоминало два стоящих один на другом ящика с выющейся из-под крышек упаковочной стружкой. Следом явилось шаткое A, чем-то напоминавшее лестницу-стремянку, и наконец второе B: рискованно покосившееся, оно походило на перевернутую пирамиду.

Квинн выписал все буквы одну за другой: OWEROFBAB. Затем долго, с четверть часа, тасовал и переставлял их, раз-

водил, соединял вновь, менял местами, после чего, вернувшись к первоначальному варианту, выписал буквы следующим образом: O W E R O F B A B. От догадки, которая его осенила, он чуть было не потерял дар речи. С учетом того, что схемы первых четырех дней отсутствовали и что блуждания Стиллмена по городу еще не закончились, ответ напрашивался сам собой: THE TOWER OF BABEL.

Квинну тут же вспомнилась концовка «Артура Гордона Пима»: странные иероглифы на стене глубокой шахты – буквы, вписанные в саму землю, словно они пытались выразить нечто, чего уже нельзя постичь³. Однако по здравом размышлении воспоминание это показалось ему неуместным. Ведь Стиллмен свое послание нигде не зафиксировал. Да, его шаги вылились в буквы, но эти буквы нигде записаны не были. Это все равно что рисовать в воздухе пальцем: картинка исчезает, не успев появиться. Ты что-то делаешь, а следа, результата нет.

И все же рисунки существовали – пусть не на асфальте, где они создавались, зато в красной тетради Квинна. Выходит, Стиллмен садился каждый вечер за стол у себя в номере и намечал маршрут следующего дня? Или он импровизировал на ходу? Ответить на эти вопросы было невозможно. Интересно, какую цель преследовал Стиллмен, выбирая подобные маршруты? Был ли это некий знак самому себе или же послание другим? Как бы то ни было, вывод напрашивал-

³ Эдгар По. Повесть о приключениях Артура Гордона Пима (1838), гл. 23.

ся один: Стиллмен не забыл Шервуда Блэка.

Впадать в панику Квинн не хотел. Чтобы себя успокоить, он попытался представить, как будут развиваться события в самом худшем случае. Ведь когда настраиваешься на худшее, часто выясняется, что все не так уж плохо. Вот какие варианты он просчитал. Вариант номер один: Стиллмен действительно что-то против Питера замышляет. Да, но к этому Квинн был готов с самого начала. Вариант номер два: Стиллмен заранее знал, что за ним будет установлена слежка; он заранее готовился к тому, что все его передвижения станут фиксироваться, а послание будет расшифровано. Да, но это не отменяло главного – Питер нуждался в защите. Вариант номер три: Стиллмен был гораздо опаснее, чем первоначально представлялось. Да, но это вовсе не значит, что он непобедим.

Квинну стало немного легче. Вместе с тем буквы по-прежнему вселяли ужас. Вся история представлялась Квинну такой таинственной, такой зловещей в своей иносказательности, что напоминала дурной сон. Но тут, словно по команде, появились сомнения, их пронзительные, издевательские голоса наперебой зазвучали у него в мозгу. Все сразу встало на свои места. Никакие это не буквы. Квинн усмотрел в рисунках буквы только потому, что хотел этого. Даже если между набросанными в тетради схемами и буквами и имелось сходство, то сходство это было чистой случайностью. Стиллмен тут совершенно ни при чем. Все это совпадение,

Квинн разыграл сам себя.

Он решил лечь спать, на какое-то время крепко уснул, проснулся, с полчаса вел записи в красной тетради, после чего завалился спать снова. «У меня есть в запасе еще два дня, ведь послание Стиллмена осталось незаконченным», – подумал он, засыпая. Оставались еще две буквы: Е и L. Квинн погружался в сон. Он вступил в волшебную страну фрагментов, землю бессловесных вещей и безвещных слов. И тут, прежде чем окончательно провалиться в небытие, он вдруг вспомнил, что Бог по-древнееврейски будет El.

В ту ночь Квинну приснился сон, который он, проснувшись, забудет: он сидит, как в детстве, на городской свалке и просеивает мусор сквозь пальцы.

Первая встреча со Стиллменом произошла в Риверсайд-парке. Как всегда в субботний полдень, парк был забит велосипедистами, собаками и детьми. Стиллмен сидел на скамейке один, на коленях у него лежала красная тетрадь, взгляд был устремлен в пустоту. Все кругом залито было ослепительным светом, яркий свет излучали и люди, и предметы; над головой, в ветках деревьев, шелестел, точно волны далекого океана, слабый ветерок.

Квинн все продумал заранее. Притворившись, что не заметил Стиллмена, он сел рядом с ним на скамейку, скрестил руки на груди и тоже уставился в одну точку. Оба молчали. Впоследствии Квинн прикинул, что молчание продолжалось минут пятнадцать-двадцать, не меньше. Затем, без всякого предупреждения, он повернулся к профессору и посмотрел на него в упор, тупо вперившись в его морщинистое лицо. В этот взгляд Квинн вложил всего себя, словно хотел выжечь им дырку в черепе старика. Эта немая сцена длилась еще минут пять.

Наконец Стиллмен повернул голову и на удивление мягким, высоким голосом изрек:

- Простите, но побеседовать с вами я не смогу.
- Я ничего не сказал, – отозвался Квинн.
- Это верно, – согласился Стиллмен. – Но вы должны вой-

ти в мое положение: я не имею привычки говорить с незнакомыми людьми.

– Повторяю, я не проронил ни слова.

– Да, конечно. Но разве вас не интересует, откуда у меня такая привычка?

– Боюсь, что нет.

– Хорошо сказано. Вы, я вижу, человек дельный.

Квинн ничего не ответил, только плечами пожал. Всем своим видом он выражал полнейшее равнодушие.

Стиллмен ласково улыбнулся, наклонился к Квинну и прошептал:

– Думаю, мы поладим.

– Как знать, – откликнулся Квинн, выдержав длинную паузу.

Стиллмен засмеялся – короткий, лающий смех – и как ни в чем не бывало продолжал:

– Не то чтобы я не любил незнакомцев *per se*⁴. Просто я предпочитаю не разговаривать с людьми, которые не рекомендуются. Имя – прежде всего.

– Но ведь если человек называет вам свое имя, он перестает быть незнакомцем.

– Именно. Поэтому-то я и не разговариваю с незнакомцами.

Квинн был готов к такому ответу и знал, что сказать. Нет, его голыми руками не возьмешь. Раз формально он был По-

⁴ Самих по себе (лат.).

лом Остером, этого имени он называть не станет. Любое другое имя, в том числе и его собственное, явится ширмой, маской, за которой он скроется и будет недостижим.

– Что ж, извольте, – сказал он. – Меня зовут Квинн.

– Ага, – задумчиво произнес Стилмен, утвердительно кивнув. – Квинн.

– Да, Квинн. К-В-И-Н-Н.

– Понятно. Да, да, понятно. Квинн. Гм. Да. Очень интересно. Квинн. Какое звучное имя. Рифмуется с сыном, не правда ли?

– Совершенно верно. Квинн – сын.

– И с клином, если не ошибаюсь.

– Нет, не ошибаетесь.

– А также со словом «свин». Квинн – свин. Вы не находите?

– Бесспорно.

– Гм. Очень интересно. У этого слова, у этого Квинна, есть масса возможностей... Квинн – это квинтэссенция квинтиллиона квипрокво⁵. Квинн-квестор, к примеру, или Квинн-квистист, или Квинн-квирит... Гм... А «сатин»? Да и «бензин»... А где бензин, там, сами понимаете, и керосин... Гм, очень интересно. А еще «блин», «один», «карантин», «габардин», «господин». Гм. Даже «джин». Гм. И «кретин», у которого нет ни «машин», ни «картин». Гм. Да, очень инте-

⁵ Qui pro quo (лат.) а) услуга за услугу; б) недоразумение, основанное на принятии одной вещи за другую.

ресно. Мне необычайно нравится ваше имя, мистер Квинн. Оно, знаете ли, такое легкое, подвижное...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.